

ДЕБОРА ХАРКНЕСС

ЛЕГЕНДЫ КРОВИ И ВРЕМЕНИ

ВСЕМ, КОМУ ПОПРАВИЛИСЬ «СУМЕРКИ» СТЕФАНИ МАЙЕР
И «ВАМПИРСКИЕ ХРОНИКИ» ЭНН РАЙС!

The Big Book

Дебора Харкнесс

Легенды крови и времени

«Азбука-Аттикус»

2018

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Харкнесс Д.

Легенды крови и времени / Д. Харкнесс — «Азбука-Аттикус»,
2018 — (The Big Book)

ISBN 978-5-389-17249-4

XVIII век. США. Идет Война за независимость. Во время одного из сражений Мэтью де Клермон встречается с Маркусом Макнилом, молодым армейским хирургом. Через несколько лет, вновь встретившись с Маркусом, умирающим от тифа, Мэтью предлагает ему шанс начать новую жизнь, свободную от болезней и почти бессмертную. Маркус хватается за этот шанс и становится вампиром. Но древние традиции и многочисленные обязанности, на которых строится уклад жизни семьи де Клермон, вступают в жестокое противоречие с идеалами свободы, равенства и братства, в которые глубоко верит Маркус.

XXI век. Париж. Фиби Тейлор, молодая сотрудница аукционного дома «Сотбис», в которую влюбился Маркус, решает стать вампиром и готова начать свое путешествие в бессмертие. Хотя современная версия процесса превращения человека в вампира поначалу кажется совсем несложной, вскоре Фиби и Маркус обнаруживают: трудности и опасности, подстерегающие человека на этом пути, ничуть не изменились с XVIII века. «Легенды крови и времени» – это история о страстной любви, перебрасывающей мосты через века, и захватывающее исследование власти традиций и возможности перемен вплоть до революции. Это рассказ о сверхъестественном устройстве мира и неспешно разворачивающаяся романтическая подоплека описываемых событий. Впервые на русском языке!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-17249-4

© Харкнесс Д., 2018
© Азбука-Аттикус, 2018

Содержание

Глава 1	7
Часть I	14
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	31
Глава 6	43
Глава 7	48
Глава 8	54
Глава 9	63
Глава 10	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Дебора Харкнесс; Пер. С Англ. И. Легенды крови и времени. роман

© 2018 by Deborah Harkness All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form

© И. Б. Иванов, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление

* * *

Устоявшаяся привычка не считать тот или иной предмет неправильным порождает обманчивую видимость его правильности и поначалу вздымает волну гневных криков в защиту традиций. Но вскоре вся эта шумиха стихает. Время создает больше обращенных, чем разум.
Томас Пейн

Глава 1

Нулевая отметка

12 мая

Свой последний вечер в качестве теплокровной Фиби Тейлор провела так, как и надлежало примерной дочери.

На этом настояла Фрейя.

– Давайте не будем устраивать лишний шум, – возражала Фиби, надеясь обойтись непринужденным прощанием в отеле, где остановилась ее семья.

Можно подумать, она просто уезжала на несколько дней в отпуск.

– Ни в коем случае, – пренебрежительно наморщила свой длинный нос Фрейя. – Де Клермонам не свойственно отмечать такие события втихаря... речь, естественно, не о Мэтью. Мы все устроим должным образом. Совместный обед. Это твой долг.

Вечернее торжество, устроенное Фрейей для семьи Тейлор, было простым, элегантным и совершенным во всем: от погоды (безупречный майский вечер), музыки (каждый ли парижский вампир играет на виолончели?), цветов (из сада принесли розы мадам Харди, способные наполнить ароматом весь город) и до вина (Фрейя обожала шампанское «Кристалл»).

Отец, мать и младшая сестра Фиби прибыли к назначенному времени – в половине девятого. Отец облачился в смокинг, мать – в бирюзовое, с золотой вышивкой лехенга-чоли, а на Стелле все было от Шанель. Фиби нарядилась в скучное черное, добавив к платью изумрудные сережки, подаренные Маркусом накануне его отъезда из Парижа, и туфли на высоченном каблучке, которые нравились не только ей, но и Маркусу.

Узкий круг, состоящий из теплокровных и вампиров, начал торжество с напитков, поданных в саду. Сад находился позади внушительного дома Фрейи в Восьмом округе, одного из частных райских уголков, которые сохранились в Париже даже сейчас, через сто с лишним лет урбанизации с ее вечной нехваткой пространства. Семейство Тейлор привыкло к просторному жилью. Отец Фиби был профессиональным дипломатом. Мать происходила из индийской семьи, члены которой поколениями состояли на британской колониальной государственной службе. Но привилегия принадлежности к семье де Клермон имела совершенно иной уровень.

Стол, за которым расположились гости, виновница торжества и хозяйка, был уставлен фарфоровой посудой и хрустальными стаканами и бокалами. Высокие окна комнаты выходили в сад. Летом в них появлялось солнце. Угощение готовил молчаливый повар Шарль. Де Клермоны неизменно пользовались его услугами, когда на обед в их парижские дома приглашались теплокровные. Шарль обожал Фиби и не жалел ни сил, ни денег.

– Сырые устрицы – знак того, что Бог любит вампиров и хочет видеть их счастливыми, – объявила Фрейя, поднимая первый тост.

Фиби заметила: Фрейя произнесла слово «вампир» свободно и непринужденно, словно частое его повторение могло нормализовать новое жизненное состояние, в которое Фиби предстояло перейти.

– За Фиби! Счастья и долгой жизни ей! – закончила тост Фрейя.

Тост не способствовал аппетиту у родных Фиби. Сознывая, что она в последний раз ест привычным образом, Фиби с трудом проталкивала куски в горло. Она заставила себя съесть несколько устриц и запить шампанским, затем отведала чуть-чуть других блюд. Закуски сменились супом, затем рыбой, уткой и десертом («Фиби, дорогуша, это твой последний шанс!»). Все это время Фрейя вела оживленный разговор с родителями Фиби, легко переходя с французского на английский и хинди и не забывая потягивать вино.

– Нет, Эдвард. Я сомневаюсь, что найдется такое место, где бы я не побывала. Знаете, я часто задаюсь вопросом: а не был ли мой отец изначально дипломатом?

Этим ошеломляющим утверждением Фрейя намеревалась выудить у отца Фиби, привыкшего обдумывать каждое слово, сведения о начале его дипломатической карьеры.

Исторические суждения Фрейи могли быть или не быть точными, но Филипп де Клермон явно научил свою дочь сглаживать острые углы в подобных застольных разговорах.

– Как вы сказали? Ричард Мейхью? Наверняка я была с ним знакома. Франсуаза, когда мы были в Индии, мне же встречался джентльмен с такими именем?

Эта наблюдательная, все подмечающая служанка появлялась не иначе как в тот момент, когда хозяйке требовалось ее присутствие. Казалось, она настроена на особую вампирскую частоту, неслышимую для простых смертных.

– Возможно, – только и ответила немногословная Франсуаза, однако каждое ее слово имело несколько смысловых уровней.

– Конечно же я с ним встречалась. Высокий? Волосы песочного цвета? Обаятельный, причем на манер старшекласника?

Фрейю не смутил ни хмурый ответ Франсуазы, ни то, что подобному описанию соответствовала едва ли не половина британского дипломатического корпуса.

Решимость и оптимизм Фрейи казались Фиби непошибаемыми.

– До скорой встречи, – весело щебетала Фрейя в конце вечера, расцеловав всех троих Тейлоров; прикосновение холодных губ к одной щеке, затем к другой. – Падма, мой дом всегда открыт для вас. Когда снова будете в Париже, обязательно позвоните. А вас, Стелла, я приглашаю на зимние показы мод. Отсюда до всех домов моды рукой подать. Франсуаза с Шарлем о вас позаботятся. Разумеется, «Георг Пятый» – превосходный отель, но там вечно тьма-тьмущая туристов... Эдвард, я всегда отвечаю на звонки.

Мать Фиби держалась, по обыкновению, стойко и не проронила ни слезинки, хотя на прощание обняла дочь крепче прежнего.

– Ты поступаешь правильно, – шепнула Падма Тейлор в ухо дочери, перед тем как выпустить ее из объятий.

Полюбить кого-то настолько сильно, что готов отдать всю свою прежнюю жизнь в обмен на обещание новой. Падма понимала смысл такой любви.

– Ты обязательно проверь, чтобы в добрачном контракте были прописаны все щедрости, о которых сладко пела эта Фрейя, – пробормотала Стелла, выходя за порог. – На всякий случай. Домик-то у нее обалденных бабок стоит.

Решение Фиби Стелла воспринимала исключительно сквозь призму собственных ценностей, где на первом месте стояли гламур и стильность. Сильнее всего сестру впечатлил покрой винтажного красного платья Фрейи.

– Вы про это? – засмеялась Фрейя, услышав восторги Стеллы, и ненадолго застыла и наклонила голову с пучком волос соломенного цвета, давая Стелле возможность полюбоваться платьем и фигурой. – Оно от Баленсиаги. Я уже и не помню, когда его покупала. Да, был тогда человек, понимавший толк в устройстве корсажей!

Тяжелее всех прощание далось отцу Фиби. Его глаза, полные слез (за обедом Фрейя заметила, что у них одинаковые глаза), искали в глазах дочери намек на то, что ее решимость может дрогнуть. Когда Падма со Стеллой вышли за ворота, отец увел Фиби подальше от крыльца, где ждала Фрейя.

– Пап, это ведь совсем недолго, – сказала Фиби, пытаясь подбодрить отца.

Но оба знали: пройдет не один месяц, прежде чем ей вновь разрешат видеться с родными. Это делалось не только для их безопасности, но и для ее собственной.

– Фиби, ты уверена? – допытывался отец. – Абсолютно уверена? Пока еще есть время передумать.

– Я уверена.

– Хотя бы ненадолго прислушайся к голосу разума, – сказал Эдвард Тейлор, и в его голосе прозвучала мольба. У него имелся опыт ведения деликатных переговоров, и порой, чтобы сдвинуть их ход в свою пользу, он не гнушался давить на чувство вины. – Ну почему бы не подождать еще несколько лет? В столь кардинальных решениях скоропалительность только вредит.

– Я не собираюсь передумывать, – тихо, но твердо ответила Фиби. – В таких вопросах, папа, решает не разум, а сердце.

Члены семьи, в которой Фиби появилась и выросла, покинули дом. Она осталась в обществе Шарля и Франсуазы – верных слуг де Клермонов, – а также Фрейи. Последняя доводилась сводной сестрой создателю жениха Фиби. По вампирским понятиям, близкой родственницей.

После ухода Тейлоров Фиби поблагодарила Шарля за прекрасный обед, а Франсуазу – за внимательное отношение к гостям. Затем она прошла в гостиную, где Фрейя читала электронную почту. Ответы хозяйка дома писала от руки на кремовых карточках с каймой лавандового цвета. Карточки Фрейя вкладывала в плотные конверты.

Поинтересовавшись, почему Фрейя не отвечает на электронные письма общепринятым образом, Фиби услышала:

– Не вижу необходимости хвататься за эти новомодные средства мгновенного общения. И ты, дорогуша, вскоре убедишься, что вампирам вовсе не требуется скорость. Спешить – это слишком по-человечески и где-то даже вульгарно. Можно подумать, будто мы испытываем нехватку времени.

Добросовестно высидев с теткой Маркуса целый час, Фиби решила, что все приличия соблюдены.

– Пойду-ка я ложиться, – сказала она, притворно зевая.

На самом деле ей сейчас меньше всего хотелось спать.

– Передай Маркусу мою любовь, – ответила Фрейя, изящно лизнув клейкий слой и плотно запечатав очередной конверт.

– Как ты... – Изумленная Фиби уставилась на Фрейю. – В смысле, откуда ты...

– Это мой дом, а потому я знаю все, что в нем происходит. – Фрейя приклеила марку в угол конверта, убедившись, что та не легла криво. – Например, я знаю, что Стелла принесла тебе целых три дешевых мобильных телефона. Ты их вытащила, когда ходила в туалет. Полагаю, затем ты их спрятала у себя в комнате. Естественно, не среди нижнего белья. Ты ведь более изобретательная девочка. Правда, Фиби? И не под матрас. Думаю, ты запихнула их в коробку с солью для ванн и поставила на подоконник. Или засунула в туфли. В те, на каучуковой подошве, которые надеваешь на прогулки. А может, телефоны лежат на верхней полке гардероба, в сине-белом пластиковом мешке, оставшемся у тебя после похода к бакалейщику в среду?

Третья догадка Фрейи была верна. Да, телефоны лежали там, в пластиковом мешке. Внутри еще сохранялся слабый запах чеснока. Чеснок Шарль употребил на приготовление потрясающей тушеной рыбы. Маркус собрался нарушить правила и общаться с Фиби по телефону. Фрейя не считала это хорошей затеей.

– Ты нарушаешь договоренности, – сухо произнесла Фрейя. – Но ты взрослая женщина, наделенная свободой воли и способная сама принимать решения.

Договоренность запрещала Маркусу и Фиби разговаривать друг с другом, пока со дня превращения ее в вампира не пройдет девяносто дней. Оба задумались о способах обхода правила. К сожалению, единственный телефонный аппарат в доме Фрейи находился в холле, где все могли слышать твой разговор. Да и работала эта древность на редкость скверно. Звонки у аппарата были резким. Когда поступал вызов, молоточек с такой силой лупил по спрятанным внутри металлическим чашечкам, что трубка на медном рычаге подскакивала. Но стоило ее поднять, и линия почти всегда замолкала. Фрейя приписывала это скверно сделанной

проводке, обвиняя одного высокопоставленного нациста из внутреннего окружения Гитлера. Менять проводку и аппарат она не собиралась.

Оценив все диковинные особенности связи в доме Фрейи, Маркус предпочел более современные и скрытные устройства: дешевые одноразовые мобильники. В этом ему помогли Стелла и его друг Натаниэль. По словам Натаниэля, такими мобильниками пользовались преступники международного уровня и террористы. Отследить звонки по ним было невозможно – это на случай, если Болдуин или кто-нибудь из вампиров захочет шпионить. Мобильники Фиби с Маркусом покупали в одном из магазинчиков с сомнительной репутацией. Сам магазинчик находился в Десятом округе и прятался среди более уважаемых заведений той улицы.

– Смею надеяться, ты понимаешь все риски своей затеи и потому не увязнешь в долгом разговоре. – Фрейя оторвалась от компьютерного экрана и написала адрес на очередном конверте. – Ты же не хочешь, чтобы Мириам тебя застукала.

Мириам охотилась в окрестностях Сакре-Кёр и должна была вернуться после полуночи. Фиби бросила взгляд на часы, украшавшие каминную полку, – экстравагантное изделие из золота и мрамора. Двое обнаженных мужчин, согнув спины, держали круглый шар с часовым механизмом, как обычно держат пляжный мяч. До полуночи оставалась одна минута.

– Тогда спокойной ночи, – сказала Фиби, благодарная Фрейе за то, что та не только на три шага опережает их с Маркусом, но и находится хотя бы на шаг впереди Мириам.

Фрейя что-то промычала, поглощенная страницей на компьютерном экране.

Фиби поднялась наверх. Ее комната находилась почти в конце длинного коридора, стены которого украшали старинные французские пейзажи. Толстый ковер гасил шаги. Войдя к себе и закрыв дверь, Фиби подошла к гардеробу (стиль ампир, около 1815 года) и сдернула пластиковый мешок. Быстро достав оттуда один из мобильников, она включила телефон. Батарея была полностью заряжена. Оставалось лишь позвонить.

Прижимая мобильник к сердцу, Фиби проскользнула в примыкающую к ее комнате ванную и тоже закрыла дверь. Две закрытые двери и просторное помещение, облицованное толстой мозаичной керамической плиткой, были единственными атрибутами уединения, доступными в вампирском доме. Фиби сбросила туфли, улеглась в одежде в холодную пустую ванну и только потом набрала номер Маркуса.

– Привет, дорогая. – В голосе Маркуса, обычно теплом и беззаботном, отчетливо звучала тревога. – Как прошел обед?

– Чудесно, – соврала Фиби.

Она поудобнее устроилась в ванне в эдвардианском стиле, с замечательной высокой спинкой и удобным изгибом для шеи.

Тихий смех Маркуса свидетельствовал, что жених не слишком-то верит ее ответу.

– Два крохотных кусочка десерта. А все остальное – там отщипнула, здесь ковырнула? – поддразнивал он невесту.

– Один кусочек десерта. Шарль, бедняга, так старался.

Фиби наморщила лоб. Нужно будет как-нибудь загладить вину перед поваром. Подобно большинству кулинарных гениев, Шарль очень обижался, когда видел тарелки с недоеденными или, хуже того, нетронутыми блюдами.

– Никто и не ждал, что ты наешься до отвала, – сказал Маркус. – Обед устраивался не для тебя, а для твоих родных.

– Там много чего осталось. Все, что можно было собрать, Фрейя отдала маме.

– Как держался Эдвард? – спросил Маркус, знавший о сомнениях отца Фиби.

– Папа был в своем репертуаре. Снова пытался отговорить меня от нашего плана. – В трубке воцарилось молчание; когда оно затянулось, Фиби поспешила успокоить Маркуса: – Папины уговоры не сработали.

– Эдвард хочет, чтобы ты не сомневалась в принятом решении, – тихо произнес Маркус.

– Я-то уверена. Но почему меня без конца спрашивают об этом? – не выдержала Фиби, даже не пытаясь скрыть раздражение.

– Они тебя любят, – простодушно ответил Маркус.

– Тогда пусть прислушаются к моим словам. Я хочу быть с тобой.

Это оставалось единственным желанием Фиби. С тех пор как в Сет-Туре она познакомилась с Изабо, Фиби просто жаждала обрести неисчерпаемый источник времени, который был у вампиров.

Фиби начала изучать повадки Изабо. Казалось, Изабо целиком погружается в каждое занятие. Ничто не делалось второпях или ради того, чтобы вычеркнуть это дело из бесконечного списка других дел. В каждом движении Изабо ощущалось уважение и даже почтение к миру, в котором она жила. Она неторопливо нюхала цветы у себя в саду. Фиби восхищалась кошачья грациозность бесшумных шагов Изабо. Дочитав главу в книге, она делала паузу и не спешила браться за следующую. У Изабо не было ощущения, что время закончится раньше, чем она успеет насладиться процессом и получить удовольствие от того или иного дела. Фиби вечно не хватало времени. Она не успевала дышать. С рынка – бегом на работу. Оттуда – в аптеку, за лекарством от простуды. Из аптеки – к сапожнику, чтобы поменять каблуки. И снова на работу.

Но своими наблюдениями Фиби с Маркусом не делилась. Он и так скоро узнает ее мысли, когда они снова окажутся вместе. Затем Маркус вкусит крови из ее сердечной вены – тонкого синего ручейка, пересекавшего левую грудь, – и узнает самые потаенные ее секреты, самые мрачные страхи и самые сокровенные желания. Кровь из сердечной вены содержала все, что мог скрывать твой возлюбленный или возлюбленная. Вкушение этой крови устанавливало искренность и доверие, без которых их отношения не смогут успешно развиваться.

– Помнишь, мы условились, что будем последовательно делать шаг за шагом? – Вопрос Маркуса вернул Фиби к разговору. – Сначала ты становишься вампиром. Затем, если тебе по-прежнему захочется жить со мной...

– Захочется. – В этом Фиби была абсолютно уверена.

– Если ты по-прежнему захочешь жить со мной, – повторил Маркус, – мы поженимся, и ты накрепко прилепишься ко мне. В богатстве и бедности.

Репетиция брачных клятв превратилась у них в постоянное занятие. Иногда Фиби и Маркус сосредоточивались на какой-то одной строчке и делали вид, будто это условие будет трудно соблюсти. Порой со смехом повторяли все строки, удивляясь скромности запросов, установленных клятвами, по сравнению с чувствами, которые они питали друг к другу.

– В болезни и здравии.

Фиби еще глубже погрузилась в ванну. Холодная эмаль напомнила ей Маркуса. Жесткие изгибы спинки вызвали желание, чтобы Маркус сидел у нее за спиной, обнимая ее руками и ногами.

– Отвергая всех прочих. Навеки.

– Навеки – это лишь длинный отрезок времени, – предупредил ее Маркус.

– Отвергая всех прочих, – повторила Фиби, намеренно сделав упор на слове «всех».

– В этом у тебя сейчас нет полной уверенности. И не будет, пока ты не узнаешь меня кровь-в-кровь, – ответил Маркус.

Их редкие ссоры вспыхивали после подобных диалогов. Слова Маркуса намекали, что он потерял к ней доверие, а Фиби тут же принималась защищаться. Ссоры обычно гасились у Маркуса в постели, где оба старались как можно полнее удовлетворить друг друга. И хотя они не знали друг о друге всего, пока не знали, каждый успел накопить определенный объем знаний.

Однако сейчас Фиби находилась в Париже, а Маркус – в Оверни, а потому телесный контакт между ними был невозможен. Более мудрая и опытная женщина попросту сменила

бы тему, но двадцатитрехлетняя Фиби находилась в раздраженном состоянии. К тому же ее тревожило то, что с ней случится в самом ближайшем будущем.

– Не знаю, с чего ты решил, будто это я передумаю, а не ты. – Фиби старалась, чтобы слова звучали легко и игриво, но, к ее ужасу, вместо игривости получался упрек. – И потом, я знаю тебя только вампиром. Другого опыта у меня нет. А вот ты влюбился в меня как в тепловую.

– И буду дальше тебя любить. – Хорошо, что Маркус ответил быстро. – Моя любовь не изменится, даже если изменишься ты.

– Не исключено, что тебе станет противен мой вкус. Надо было бы еще прежде заставить тебя устроить мне проверку, – сказала Фиби, пытаясь затеять словесное сражение.

Возможно, Маркус и не любил ее настолько, насколько ему казалось. Рациональный ум Фиби знал: это чужь, а вот иррациональная часть, которая и управляла ею в данный момент, вовсе не была в этом убеждена.

– Я хочу, чтобы мы оба разделили этот опыт. Как равные. Я никогда не делился кровью с моей парой. И ты тоже. Для нас этот опыт будет первым. Совместным. – Голос Маркуса оставался мягким, но чувствовалось: сам он на грани отчаяния.

Слова Фиби затронули очень чувствительную точку в сознании Маркуса. Равенство всегда было предметом его глубочайшей заботы. Женщина или ребенок, просящие подаяние на улицах; шуточка с расистской начинкой, услышанная в метро; старик, переходящий улицу в толпе спешащей молодежи, чьи уши заткнуты наушниками, а внимание поглощено разговором по мобильнику, – все это вызывало у Маркуса негодование.

– Нам нужно было сбежать и тайком пожениться, – сказал Маркус. – Сделать все по-своему и не заморачиваться древними традициями и церемониями.

Но ведь они вместе приняли решение двигаться медленными, выверенными шагами.

Изабо де Клермон, женская глава семейства и бабушка Маркуса, с ее обычной ясностью разобрала все «за» и «против» нарушения вампирских традиций. Начала с недавних семейных скандалов. Мэтью, отец Маркуса, женился на ведьме, нарушив действующий почти тысячу лет запрет на близкие отношения между существами разных пород. Затем Мэтью чуть не погиб от рук своего отверженного и психически больного сына Бенжамена. Все это заставляло Фиби и Маркуса выбирать одно из двух. Они могли как можно дольше скрывать превращение Фиби в вампира и их брак. Но потом их ждали бы десятилетия слухов и домыслов. Всем было бы крайне интересно и важно узнать, что же на самом деле происходит у этой парочки. По второму варианту Фиби сначала становилась вампиром, а затем – с надлежащей помпой и полной прозрачностью – выходила замуж за Маркуса. В этом случае им придется год выдерживать неудобства, потом еще десять-двадцать лет оставаться предметами назойливого внимания, после чего – наслаждаться бесконечным временем относительного мира и спокойствия.

Определенную роль в решении Фиби сыграла и репутация Маркуса. Среди вампиров он был известен своей импульсивностью и стремлением вступать в борьбу со злом всего мира, не заботясь о том, как к этому отнесутся другие породы. Фиби надеялась: если в вопросе брака они соблюдают традиции, Маркус войдет в ряды уважаемых вампиров и его идеализм станет восприниматься в более позитивном свете.

– Ты помнишь, что традиции служат полезным целям? – твердым тоном спросила Фиби. – И потом, мы придерживаемся далеко не всех правил. Твой секретный план с мобильниками более не является секретным. Фрейя знает.

– С ней всегда нужно держать ухо востро, – вздохнул Маркус. – Бог свидетель, во Фрейе живет ищейка. Мимо нее ничто и никто не проскользнет. Но ты не волнуйся, Фрейя не возражает против наших разговоров. Это Мириам мертвой хваткой держится за порядок.

– Мириам сейчас где-то на Монмартре, – сказала Фиби, взглянув на часы.

Половина первого. Мириам скоро вернется. До этого надо завершить разговор и уничтожить телефон.

– Вокруг Сакре-Кёр неплохие охотничьи угодья, – с одобрением произнес Маркус.

– Вот и Фрейя так говорит.

И снова между ними повисла тишина, становясь все тяжелее от недосказанного и невысказанного. О чем-то они и хотели бы сказать, но не знали как. В конце осталось всего пять слов, достаточно важных, чтобы произнести вслух.

– Я люблю тебя, Маркус Уитмор.

– И я люблю тебя, Фиби Тейлор, – ответил Маркус. – Какое решение ты бы ни приняла через девяносто дней, считая с сегодняшнего дня ты уже моя пара. Ты у меня под кожей, в крови, в мечтах. И не беспокойся. Ты станешь потрясающей вампиршей.

Фиби не сомневалась, что ее преобразование пройдет успешно. Она станет бессмертной и могущественной. Plusов в ее новой жизни окажется великое множество, а минусов – жалкая горстка. Но смогут ли они с Маркусом построить отношения, способные выдержать века, как у бабушки Маркуса с ее мужем Филиппом?

– Я буду думать о тебе, – пообещал Маркус. – Каждое мгновение. – И Маркус отключился.

Фиби держала телефон возле уха, пока мобильный оператор не разорвал вызов. Тогда она вылезла из ванны, взяла банку с ароматическими солями, разбила телефон, после чего открыла окно и как можно дальше зашвырнула уничтоженный мобильник. Ликвидация улики, указывающих на их с Маркусом отступление от традиций, было частью плана Маркуса. Эту часть Фиби решила выполнять неукоснительно, даже если Фрейя знала о запрещенных телефонах.

Разбитый телефон плюхнулся в пруд с рыбками. Фиби осталась довольна услышанным звуком.

Избавившись от компрометирующей улики, Фиби сняла платье и повесила в гардероб. Полосатый пластиковый мешок вновь оказался наверху, вне поля зрения. На кровати лежала простая шелковая ночная рубашка, приготовленная Франсуазой.

Надев рубашку, Фиби уселась на край кровати и замерла, решительно глядя в лицо своему будущему и ожидая, когда время ее найдет.

Часть I

Время нас нашло

В нашей власти начать этот мир заново.
Томас Пейн

Глава 2

Ниже нулевой отметки

13 мая

Фиби встала на весы.

– Боже мой, какая же ты тощая! – заявила Фрейя; она сообщала показатели Мириам, а та заносила их в подобие медицинской карточки. – Пятьдесят два килограмма.

– Фиби, я же просила тебя набрать три килограмма, – напомнила Мириам. – Весы показывают, что ты набрала только два.

– Я старалась. – Фиби не понимала, с чего это она извиняется перед вампиршами, чья, с позволения сказать, диета состояла из сырой пищи и жидкостей. – Подумаешь, килограммом меньше. Какая разница?

– Разница в объеме крови, – ответила Мириам, пытаясь сохранять терпение. – Чем больше ты весишь, тем больше в тебе крови.

– А чем больше в тебе крови, тем большее ее количество тебе понадобится взять от Мириам, – продолжала Фрейя. – Мы хотим убедиться, что Мириам отдаст столько же, сколько заберет. Тем меньше риск отторжения при эквивалентном обмене человеческой крови на вампирскую. Мы хотим, чтобы ты получила как можно больше вампирской крови.

Эти расчеты продолжались не один месяц. Объем крови. Минутный объем сердца. Вес. Поступление кислорода. Не зная Фиби, к чему она готовится, то решила бы, что проходит обследование на предмет вхождения в сборную Англии по фехтованию, а не в семью де Клермон.

– Ты уверена, что выдержишь боль? – спросила Фрейя. – Мы можем дать тебе какое-нибудь болеутоляющее. Совсем не обязательно испытывать дискомфорт. Новое рождение вовсе не должно быть болезненным, как в прошлом.

Об этом тоже постоянно велись дискуссии. Фрейя и Мириам рассказывали леденящие душу истории о собственном превращении. Тело, наполняющееся кровью существа нечеловеческой природы, испытывало неимоверную боль. Вампирская кровь душила, подавляла все следы человеческой природы, пытаясь сделать из нового вампира совершенного хищника. Принимая кровь понемногу, новорожденный вампир мог безболезненно или почти безболезненно приспособиться к поступлению нового генетического материала. Но опыт показывал: тогда и у человеческого тела появлялось больше шансов отторгнуть кровь создателя, предпочтя смерть перерождению. Быстрое потребление вампирской крови давало противоположный результат. Это сопровождалось невыносимой болью, однако ослабленный человеческий организм не имел ни времени, ни ресурсов для контратаки.

– Боли я не боюсь. Давайте же наконец завершим все эти приготовления. – Тон Фиби указывал, что она надеялась положить конец надоевшим обсуждениям.

Фрейя и Мириам переглянулись.

– А как насчет местной анестезии в точке укуса? – спросила Мириам, вновь превращаясь в профессионального медика.

– Мириам, оставь, ради бога! – В те моменты, когда Фиби не ощущала себя потенциальной участницей олимпийской сборной, у нее складывалось убеждение, что она объект дотошного предоперационного консилиума. – Я не хочу никакой анестезии. Я хочу почувствовать укус. Почувствовать боль. Это ведь единственный процесс рождения, который у меня будет. Я не хочу ничего пропустить. – Здесь у Фиби было предельно ясное понимание. – Ни один акт творения еще не проходил безболезненно. Чудеса должны оставлять отметину, чтобы мы помнили, сколь они драгоценны.

– Что ж, прекрасно, – отрывисто, с напором произнесла Фрейя. – Двери закрыты. Окна тоже. Франсуаза и Шарль дежурят у входа. Так, на всякий случай.

– Я по-прежнему считаю, что нам следовало провести это в Дании. – Даже сейчас Мириам продолжала анализировать процедуру. – В Париже слишком уж много бьющихся сердец.

– В это время года световой день в Лейре длится пятнадцать часов. Фиби не сможет быстро приспособиться к такому изобилию солнечного света, – возразила Фрейя.

– Да, но что касается охоты... – начала Мириам.

Фиби знала: сейчас последует обстоятельное сравнение французской и датской фауны с учетом питательных качеств той и другой, разницы в размерах, свежести, сопоставление живности, выращиваемой на ферме, с дикой, а также долгие разговоры о непредсказуемости аппетита новорожденного вампира.

– С меня хватит! – заявила Фиби, направляясь к двери. – Может, Шарль не будет мучить меня говорильней и сразу приступит к делу. Честное слово, я больше не выдержу всех этих приготовлений!

– Она готова, – хором сказали Мириам и Фрейя.

Фиби отвернула просторный ворот белой ночной рубашки, обнажая кожу с выступающими венами и артериями:

– Тогда начинайте.

Не успела она произнести эти слова, как почувствовала резкое прикосновение острых зубов.

Онемение.

Покалывание.

Сосущие звуки.

У Фиби появилась слабость в ногах. Быстрая отдача крови вызвала шок. Голова поплыла. Мозг подал сигнал: она подверглась нападению и находится в смертельной опасности. Это, в свою очередь, вызвало подъем адреналина.

Поле зрения сузилось. Комната погрузилась в сумрак.

Сильные руки подхватили ее.

Фиби плавала в бархатной темноте, погружаясь в слои спокойствия.

Покрой.

Обжигающий холод вернул ее в сознание.

Фиби замерзала и горела.

Она закричала от ужаса, ощутив, что пылает изнутри.

Кто-то поднес к ней руку, мокрую и соблазнительно пахнущую.

Медь и железо.

Соль и сладость.

Это был запах жизни. *Жизни.*

Фиби тыкалась в руку, как младенец, ищущий материнскую грудь. Плоть находилась дразняще близко от ее рта, не достигая губ.

– Ты выбираешь жизнь? – спросила ее создательница. – Или смерть?

Фиби собрала все имеющиеся силы, чтобы приблизиться к животворному источнику. Вдалеке кто-то медленно и равномерно стучал. Потом она поняла: это не кто-то. Это...

Удары ее сердца.

Пuls.

Кровь.

Фиби почтительно поцеловала холодную руку ее создательницы, смутно осознавая предложенный дар.

– Жизнь, – прошептала она, прежде чем сделать первый глоток вампирской крови.

По мере того как могущественная субстанция разливалась по ее венам, тело Фиби взрывалось от боли, скорбя по утраченному и предвкушая грядущее, скорбя по всему, кем ей уже не быть и кем она станет.

Ее сердце начало творить новую музыку: медленную и уверенную.

«Я живу», – пело сердце Фиби.

Нулевая отметка пройдена.

Отныне и навеки.

Глава 3

Блудный сын возвращается

13 мая

– Если этот кавардак устроили призраки, я их сейчас поубиваю, – пробормотала я, цепляясь за неразбериху сна в надежде продлить его еще на несколько мгновений.

Мы совсем недавно прилетели во Францию из Америки, и на мне продолжала сказываться разница в часовых поясах. Меня ожидали кучи экзаменационных и других работ, которые требовалось проверить и оценить после конца весеннего семестра в Йельском университете. Натянув одеяло к самому подбородку, я перевернулась на другой бок и взмолилась о тишине.

Однако грохот продолжался, отзываясь эхом в толстых кирпичных стенах и полах.

– Кто-то стучит во входную дверь, – объявил Мэтью; он спал очень мало и сейчас находился у открытого окна, пригнувшись к ночному воздуху, чтобы попытаться определить нарушителя спокойствия. – Да это же Изабо.

– В три часа ночи? – застонала я, нашаривая тапки.

Нам к кризисам не привыкать, но появление Изабо перехлестывало все прежние неожиданности.

Мэтью мигом переместился от окна спальни на лестницу и принялся быстро спускаться.

– Мама! – заныла из соседней детской Бекка, привлекая мое внимание. – Ой! Громко. Громко.

– Иду, дорогая.

Наша дочь унаследовала острый отцовский слух. Первым произнесенным ею словом было «мама», вторым – «папа», а третьим – «Пип», как она называла своего брата Филиппа. Вскоре в ее лексиконе появились слова «кровь», «громко» и «собачка».

– Светлячок, светлячок, сотвори мне спичку.

Я не стала включать свет, предпочтя сделать светящимся кончик указательного пальца. В этом мне помогло простенькое заклинание, навеянное песенкой из старого альбома популярных мелодий, который я нашла в каком-то шкафу. Мой грамариий – способность превращать запутанную магию в слова – сопровождал этот процесс.

Бекку я застала сидящей в колыбели. Ручонки затыкали уши, а личико морщилось от недовольства. Вокруг ее массивной средневековой колыбели выплясывали толстый плюшевый слон Катберт, подарок Маркуса, и деревянная зебра Зи. Филипп стоял в своей колыбели, схватившись за стенки, и с беспокойством поглядывал на сестру.

Магия в крови близнецов, наполовину ведьмовской и наполовину вампирской, по ночам прорывалась наружу, нарушая их чуткий сон. Меня несколько тревожили эти ночные выкрутасы малышей, однако Сара утверждала, что мы должны благодарить богиню. В данный момент магия близнецов ограничивалась передвижением мебели в детской, созданием белых облаков из детской присыпки и бултыхающихся в воздухе мягких игрушек.

– Оуи, – сказал Филипп, указывая на Бекку.

Он уже шел по медицинским стопам, постоянно осматривая всех существ, обитающих в замке Ле-Ревенан и вокруг, на предмет царапин, пятен и следов укусов насекомых. В круг его забот входили двуногие, четвероногие, пернатые и покрытые чешуей.

– Спасибо, Филипп. – Я едва увернулась от столкновения с Катбертом и подошла к колыбели Бекки. – Бекка, хочешь к маме на ручки?

– И Катберт.

Время, проведенное в обществе обеих бабушек, сделало Бекку опытной переговорщицей. Я опасалась, что влияние Изабо и Сары не лучшим образом сказывалось на близнецах.

– Нет. Только ты и Филипп, если он захочет присоединиться, – твердо возразила я, растирая дочери спину.

Катберт и Зи обиженно шлепнулись на пол. Поди узнай, кто из детей заставил игрушки летать и почему те вдруг лишились магической поддержки. Может, в воздух их подняла Бекка, но потом ей так понравилось мое поглаживание по спине, что потребность в игрушечных спутниках исчезла? Или причина в Филиппе, который успокоился, поскольку успокоилась Бекка? А может, причиной стало мое твердое «нет»?

Грохот у входа прекратился. Мэтью впустил Изабо в дом.

– Баб... – начала Бекка и икнула.

– ...Уля, – закончил за сестру просиявший Филипп.

Зато у меня от беспокойства все кишки в животе завязались узлом. Я только сейчас сообразила: если Изабо явилась среди ночи, даже не позвонив, случилось что-то очень скверное.

Я слышала приглушенные голоса. Они находились слишком далеко, чтобы мой ведьмин слух улавливал слова. Зато близнецы наострили уши и наверняка слышали каждое слово в разговоре между их отцом и бабушкой. К сожалению, они были еще очень малы и не могли пересказать мне содержание.

Переложив Бекку в одну руку и подхватив другой Филиппа, я с опаской поглядывала на скользкие ступеньки лестницы. Обычно я держалась за веревку, натянутую Мэтью вдоль закругленной стены. Веревка предохраняла теплокровных от падения. Находясь рядом с детьми, я старалась почти не пользоваться магией, боясь, что они попытаются мне подражать. И эта ночь не была исключением.

«Идем со мной, и я исполню твое желание», – прошептал ветер, нежно, будто возлюбленный, лаская мне лодыжки.

Его призыв был до безумия ясным. Тогда почему он не принес мне слова Изабо? Почему захотел, чтобы я сама оказалась рядом с мужем и свекровью?

Но магия стихий чем-то напоминала Сфинкса: если не задашь ей правильный вопрос, она попросту откажется отвечать.

Крепче прижав к себе детей, я поддаюсь призыву ветра, и мои ноги оторвались от пола. Я надеялась, что дети не заметят, как мы плывем в нескольких дюймах над каменными плитами. Однако в серо-зеленых глазенках Филиппа мелькнуло что-то древнее и мудрое.

Из высокого узкого окна падал луч серебристого лунного света, прорезая стену. Пока мы спускались, внимание Бекки было целиком поглощено лучом.

– Красивые, – вкрадчиво произнесла она, потянувшись к лучу. – Красивые детки.

На несколько секунд свет потянулся к Бекке, изгибаясь и нарушая – в человеческом понимании – законы физики. Мои руки покрылись гусиной кожей, после чего засветились проступившие изнутри красные и золотые буквы. Лунный свет обладал магией, но, хотя я и была ведьмой-прядильщицей, мне далеко не всегда удавалось видеть то, что без труда видели наши дети смешанных кровей.

С радостью оставив луч за спиной, я позволила ветру пронести себя и детей до конца лестницы. Когда мы оказались на твердой почве, остаток пути до входной двери я прошла самостоятельно.

Щеку обожгло морозом. Верный признак, что на тебя устремлен взгляд вампира. Значит, Мэтью заметил наше появление. Вместе с Изабо они стояли в открытом дверном проеме. Игра лунного света и теней делала его скулы острее, а волосы – темнее. По странной алхимии тот же свет придавал волосам Изабо золотистый оттенок. Ее темно-желтые легинсы были залепаны грязью, а белая рубашка порвана там, где зацепилась за ветку. Изабо приветствовала меня кивком, успокаивая дыхание. Она действительно бежала сюда со всех ног.

Мальши сразу почуяли неладное. Вместо бурной радости от встречи с бабулей, как бывало всегда, оба уцепились за меня, вдавив головки в изгибы моей шеи. Казалось, им хочется спрятаться от непонятной, загадочной тьмы, вдруг появившейся в доме.

– Я говорила по телефону с Фрейей. Мы еще не закончили разговор, когда Маркус объявил, что ходит в деревню, – с оттенком паники в голосе пояснила Изабо. – Но Алена это насторожило, и мы последовали за ним. Поначалу Маркус вел себя вполне нормально, а потом... как с цепи сорвался.

– Маркус убежал из Сет-Тура?

Невероятно! Маркус обожал Изабо. Она сама настояла, чтобы он все лето провел с ней.

– Сначала он двинулся на запад. Мы решили, что он направился к вам. Однако что-то подсказало мне: нельзя выпускать его из поля зрения. – Изабо несколько раз шумно глотнула воздух. – Но потом Маркус свернул на север, в сторону Монлюсона.

– К Болдуину?

У моего деверя был там дом, построенный в незапамятные времена, когда местность называлась просто горой Люциуса.

– Нет. Не к Болдуину. В Париж, – ответил Мэтью, и его глаза потемнели.

– Он не убежал куда глаза глядят, – кивнула Изабо. – Он решил вернуться к Фиби.

– Что-то пошло наперекосяк, – пробормотала я, ошеломленная новостью.

Меня все уверяли, что превращение Фиби из теплокровной женщины в вампиршу пройдет без сучка и задоринки. Столько необходимых приготовлений. Столько заботы. Казалось, учтена каждая мелочь.

Чувствуя мою нарастающую тревогу, Филипп заерзал и стал проситься вниз.

– Фрейя говорила: у них все прошло по плану. Фиби теперь вампирша.

Мэтью забрал у меня Филиппа и спустил на пол:

– Маман, побудь с Дианой и детьми, а я разыщу Маркуса и узнаю, почему он взбрыкнул.

– Ален дожидается снаружи, – сообщила Изабо. – Возьми его с собой. Твой отец считал, что в подобной ситуации вторая пара глаз никогда не бывает лишней.

Мэтью меня поцеловал. Как и большинство его прощальных поцелуев, этот был с оттенком свирепости. Напоминание мне: держать оборону, пока его нет рядом. Потом он пригладил волосики Бекки и нежно поцеловал в лобик.

– Будь осторожен, – прошептала я, больше по привычке, нежели действительно тревожась за него.

– Как всегда, – ответил Мэтью и, наградив меня долгим, пристальным взглядом, повернулся и зашагал в темноту.

Мальши, возбужденные появлением бабушки, успокоились не сразу. Прошло около часа, прежде чем их одолел сон. С моими взбудораженными нервами и лавиной вопросов без единого ответа нечего было и думать о сне. Я спустилась на кухню, где и застала Изабо в обществе Марты.

Здесьняя кухня занимала несколько смежных помещений и была одним из моих любимых мест – неизменно теплая и уютная. Мне нравилась старинная железная плита с эмальрованными стенками; особенно когда в ее духовке горел огонь и пеклось что-то вкусное. Здесь всегда стояли вазы и тарелки со свежими фруктами, а на разделочном столе Марта создавала очередной кулинарный шедевр, способный удовлетворить самого привередливого гурмана. Однако сегодня в кухне было холодно и темно, невзирая на включенные бра и яркие голландские плитки, украшавшие стены.

– Самое скверное в положении замужней женщины, у которой муж еще и вампир, – это сидеть дома и ждать новостей. – Я плюхнулась на один из стульев вокруг огромного выщербленного стола – здесьнего средоточия домашней жизни. – Слава богу, что появились мобиль-

ные телефоны! Не представляю, как раньше приходилось довольствоваться лишь бумажными письмами.

– Это никому из нас не нравилось, – сказала Марта.

Она поставила передо мной чашку горячего чая. Рядом на тарелке лежал круассан с миндальной пастой, посыпанный сверху сахарной пудрой.

– Божественно! – произнесла я, вдыхая аромат чайных листьев и ореховую сладость круассана.

– Надо было и мне отправиться с ними, – заявила Изабо.

За все это время она даже не попыталась поправить сбившиеся волосы или смыть грязное пятно со щеки. Обычно Изабо всегда и везде старалась выглядеть безупречно.

– Мэтью просил тебя остаться здесь, – возразила Марта, скупыми, выверенными движениями насыпая муку на разделочный стол.

Вытащив из миски ком теста, Марта принялась месить его ладонями.

– Невозможно всегда получать то, что хочешь, – сказала Изабо.

В отличие от Мика Джаггера, в ее словах не было ни капли иронии.

– Может, мне кто-нибудь внятно объяснит, из-за чего Маркус взбрыкнул? – спросила я, делая глоток чая.

Меня не покидало ощущение, что я упустила нечто предельно важное.

– Ничего такого не случилось, – заверила меня Изабо.

Как и Мэтью, она бывала чрезвычайно скупа на сведения.

– Нет, что-то там должно было произойти, – стояла я на своем.

– Честное слово, ничего там не произошло. Семью Фиби пригласили на обед. По словам Фрейи, все прошло наилучшим образом.

– А что Шарль им приготовил? – поинтересовалась я, чувствуя, как рот наполняется слюной. – Уверена, нечто за пределами вкуса.

Руки Марты замерли. Она хмуро покосилась на меня, потом засмеялась.

– Что тут смешного? – спросила я, хрустя круассаном.

Миндальная начинка была щедро сдобрена маслом и буквально таяла на языке.

– Фиби только что стала вампиршей, а ты желаешь знать, что она ела на своем последнем теплокровном обеде. *Манжасану*, конечно же, запомнится свое новое рождение, а не разные пустяки вроде меню обеда, – пояснила Изабо.

– Конечно. Я не спорю. Просто тебе не доводилось есть жареных кур, которые готовит Шарль. А подлива! Много чеснока. Лимонный сок. Восхитительно!

– Там была утка, – сухо информировала меня Марта. – Еще семга. И говядина.

– А Шарль испек *seigle d’Auvergne*? – Я впилась глазами в тесто Марты; Шарль умел потрясающе выпекать овернский ржаной хлеб, который обожала Фиби. – И что им предложили на десерт? Яблочный пирог?

Фиби была сладкоежкой. Любовь к сладкому однажды – правда, всего однажды – поколебала ее решимость стать вампиршей. Я видела это собственными глазами. Маркус повел ее в пекарню соседней деревни Сен-Люсьен и объяснил: если она осуществит свой замысел, яблочные пирожные, выставленные в витрине, покажутся ей тошнотворными.

– Было там и то и другое, – лаконично ответила Марта.

– Представляю, как радовалась Фиби, – сказала я, восхищаясь разнообразием меню.

– По словам Фрейи, Фиби в последнее время ела совсем мало, – сообщила Изабо, закусывая нижнюю губу.

– Неужели Маркус из-за этого помчался в Париж?

Я чувствовала какую-то нестыковку. Став вампиршей, Фиби уже никогда не сможет есть пищу теплокровных. Реакция Маркуса виделась мне совершенно взбалмошной.

– Нет. Маркус туда помчался, поскольку Фиби позвонила ему, чтобы еще раз попроситься... Они оба такие импульсивные, – покачала головой Изабо.

– Они современные, только и всего, – возразила я.

Неудивительно, что Маркусу и Фиби стало тяжело выдерживать это путешествие по византийскому лабиринту вампирских ритуалов и многочисленных «можно» и «нельзя». Началось с просьбы к Болдуину, главе клана де Клермон, официально одобрить помолвку Маркуса и Фиби, а также ее желание стать вампиршей. Это считалось весьма необходимым шагом, особенно если учесть бурное прошлое Маркуса и скандальное решение Мэтью жениться на ведьме, то есть на мне. Только при полной поддержке Болдуина брак Маркуса и Фиби и создание ими вампирской пары получали законный статус.

Далее Маркус и Фиби приступили к выбору создателя из совсем короткого списка возможных кандидатов. О членах семейства де Клермон не могло быть и речи. Филипп де Клермон еще давным-давно установил жесткие правила, запрещавшие даже намек на кровосмешительство. И не важно, что дети не рождались, а создавались. Отношение к ним было такое же, как к детям в мире людей. Мужей и жен членам семейства де Клермон надлежало искать вне круга семьи. Однако существовали и другие условия. Создателем Фиби должен был стать древний вампир, имеющий сильную генетику и способный давать здоровое вампирское потомство. А поскольку превращение Фиби в вампиршу навсегда связывало ее создателя с де Клермонами, от репутации такого вампира и обстоятельств его (или ее) вампирской жизни требовалась полная безупречность.

После того как Фиби и Маркус определились с создательницей – их выбор пал на Мириам, – Мириам с Болдуином занялись всем, что касалось выбора точного времени превращения. Изабо руководила практической стороной приготовлений, куда входили жилище, финансы и улаживание вопросов с работой Фиби. В этом ей помогал демон Хэмиш Осборн, друг Мэтью. Выход за рамки жизни теплокровного человека был делом довольно сложным. Для мира людей устраивались тщательно подготовленные спектакли со смертями и исчезновениями. Кто-то поначалу временно оставлял работу по личным обстоятельствам, чтобы через полгода уволиться совсем.

Теперь, когда Фиби стала вампиршей, первым ее гостем мужского пола будет Болдуин. Из-за сильной взаимосвязи между физическим голодом и сексуальным желанием контакты Фиби с другими мужчинами будут ограничены. Чтобы предотвратить любые поспешные решения, принятые в результате первого всплеска вампирских гормонов, Маркусу позволят увидеться с Фиби не раньше, чем Болдуин почувствует, что она способна здраво рассуждать об их совместном будущем. Традиция предписывала вампирам выжидать в течение девяти дней. Примерно столько времени требовалось вампиру, чтобы из заново рожденного младенца дорости до состояния оперившегося птенца, в той или иной мере способного к самостоятельной жизни. И только после этого влюбленные вновь соединялись.

Всех буквально шокировало, что Маркус безропотно согласился с каждым пунктом хитроумных планов Изабо. В семье он считался бунтарем. Я ждала услышать его возражения, однако Маркус не сказал ни слова.

– Пару дней назад все были полностью уверены в успешном превращении Фиби, – сказала я. – Что ж вы тревожитесь о ней сейчас?

– Мы тревожимся не о Фиби, а о Маркусе, – ответила Изабо. – Он никогда не умел ждать и подчиняться правилам, установленным другими. Маркус слишком порывисто отзывается на голос сердца, отчего обязательно вляпывается в какую-нибудь беду.

Дверь кухни настежь распахнулась, и появилось стремительно движущееся сине-белое пятно. Я редко видела, чтобы вампиры не умели управлять скоростью собственного движения, и даже растерялась, когда несущееся размытое пятно превратилось в белую футболку, выцветшие джинсы, синие глаза и густую копну светлых волос.

– Я должен был оставаться рядом с ней! – кричал Маркус. – Я почти всю жизнь стремлюсь почувствовать, что я где-то и кому-то нужен. Я хочу иметь свою семью. И теперь, когда у меня есть пара, я повернулся к Фиби спиной.

За Маркусом, словно тень, догоняющая солнце, появился Мэтью. Процессию замыкал Ален Ле Мерль, некогда бывший у Филиппа оруженосцем.

– Как ты знаешь, традиция... – начал Мэтью.

– Когда это я обращал внимание на традиции?! – воскликнул Маркус.

Напряженность в кухне поднялась уровнем выше. Будучи главой своей семьи, Мэтью ожидал от сына уважения и послушания, а вовсе не споров.

– Надеюсь, все в порядке? – спросила я.

Жизнь университетского профессора убедила меня в полезности риторических вопросов, дававших каждому шанс остановиться и подумать. Мой вопрос несколько разрядил обстановку, поскольку собравшиеся прекрасно понимали: все далеко не в порядке.

– Мы никак не думали, что застанем тебя бодрствующей, *mon сœur*. – Мэтью подошел ко мне и поцеловал; от него пахло свежим воздухом, соснами и сеном, словно он бегал по широким полям и густым лесам. – Маркус немного встревожен состоянием Фиби, и только.

– Немного встревожен? – На лбу Маркуса обозначилась хмурая складка. – Да я с ума схожу от беспокойства. Я не могу видеться с ней. Не могу ей помочь...

– Тебе следует доверять Мириам. – Голос Мэтью звучал сдержанно, однако на подбородке дергалась жилка.

– Мне вообще не надо было соглашаться на этот средневековый протокол! – Возбуждение Маркуса нарастало. – И вот результат: мы разделены, а ей не на кого опереться, кроме Фрейи.

– Помнится, ты сам просил Фрейю помогать Фиби, – спокойно заметил Мэтью. – Тебе было из кого выбирать опору для Фиби на время ее адаптации. И ты выбрал Фрейю.

– Черт тебя побери, Мэтью! Неужели тебе при любых обстоятельствах надо оставаться до жути рассудительным?! – крикнул Маркус, поворачиваясь к нему спиной.

– Такое бесит, правда? – Я сочувственно обняла мужа за талию и притянула к себе.

– Да, Диана. Бесит, и еще как, – ответил Маркус, подходя к холодильнику и рывком открывая тяжелую дверцу. – И я вынужден мириться со всем этим гораздо дольше, чем ты... Марта, это как понимать? Чем ты занималась день напролет? В доме нет ни капли крови.

Трудно сказать, кого сильнее всех потрясла подобная критика в адрес досточтимой Марты. Она обладала потрясающей способностью удовлетворять потребности каждого члена семьи раньше, чем эти потребности у нас появлялись. Зато было ясно, кого слова Маркуса разозлили сильнее всего. Алена. Марта была его создательницей.

Мэтью и Ален переглянулись. Ален чуть наклонил голову, показывая, что необходимость Мэтью образумить сына перевешивала его собственное право защитить мать. Мэтью осторожно снял мою руку.

Еще через мгновение Мэтью оказался на другом конце помещения, пригвоздив Маркуса к стене. Случись подобное с обычным человеком, у бедняги были бы переломаны ребра.

– Маркус, с меня довольно! Я ждал, что превращение Фиби пробудит у тебя воспоминания о твоём превращении, – сказал Мэтью, держа сына железной хваткой. – Но, как вижу, тебе нужно всерьез поупражняться в сдержанности. Своим сумасбродным полетом в Париж и появлением у Фрейи ты ничего не достигнешь.

Мэтью пристально смотрел сыну в глаза, ждал и разжал руки только тогда, когда Маркус отвел взгляд. Маркус немного сполз вниз по стене, шумно, содрогааясь всем телом, втянул воздух и наконец сообразил, где находится и что натворил своими речами.

– Прости, Диана. – Мельком взглянув на меня, он подошел к Марте. – Марта, честное слово, я и в мыслях не имел...

– Нет, имел. – Марта отвесила ему пощечину. – А кровь, как всегда, в кладовой. Сам возьмишь.

– Маркус, постарайся не волноваться. Никто не присмотрит за Фиби лучше Фрейи, – сказала Изабо, ободряюще похлопывая внука по плечу.

– Я бы смог. – Маркус стяхнул бабушкину руку и скрылся в кладовой.

Марта закатила глаза к небесам, словно ждала помощи в избавлении от влюбленных вампиров. Изабо предостерегающе подняла палец, веля Мэтью воздержаться от дальнейших комментариев. Поскольку в мою голову еще не успели полностью втемяшить правила поведения де Клермонов, я игнорировала приказ свекрови.

– Знаешь, Маркус, мне что-то в это не верится! – крикнула я в соседнее помещение, налив себе еще чая.

– Что? – Возмущенный Маркус пулей вылетел из кладовой, держа в руке серебряную чашку, из которой обычно пьют джулеп, но я-то знала: в чашке нет ни бурбона, ни воды, ни сахара с мятой. – Я лучше, чем кто-либо, смог бы присмотреть за ней. Я люблю Фиби. Она моя пара. И ее потребности я знаю лучше кого угодно.

– Даже лучше самой Фиби? – спросила я.

– Иногда, – ответил Маркус, дерзко выпячивая подбородок.

– Чушь собачья! – Я сейчас выражалась, как Сара, резко и без обиняков, приписывая это скорее бессонной ночи, чем генетической предрасположенности женщин династии Бишоп говорить без экивоков. – Все-то вы, вампиры, одинаковы. Думаете, будто знаете, чего на самом деле нужно несчастным теплокровным. Особенно женщинам. По сути, Фиби как раз и хотела превратиться в вампиршу, следуя традициям. А твоя задача – всячески уважать ее решение и помогать осуществлению плана.

– Фиби не понимала, на что соглашается. Совсем не понимала, – гнул свое Маркус, не желая идти на попятную. – У нее может быть рвота кровью. Могут возникнуть сложности с первым убийством. Я бы сумел ей помочь, поддержать ее.

Рвота кровью? Я едва не поперхнулась чаем. Это еще что такое?

– Я не видела никого, кто был бы так превосходно подготовлен к превращению в манжасана, как Фиби, – уверила Маркуса Изабо.

– Но ведь нет никаких гарантий. – Маркус по-прежнему не желал расставаться со своими тревогами.

– В этой жизни – нет, дитя мое.

На мгновение лицо Изабо болезненно сморщилось. Она вспомнила время, когда жизнь еще выполняла обещание благополучного исхода.

– Время слишком раннее. Поговорим, когда взойдет солнце. Спать ты, конечно, не будешь, но хотя бы попытайся отдохнуть, – сказал Мэтью, касаясь плеча сына.

– Уж лучше я отправлюсь на пробежку. Измотаю себя физически. Сейчас если кто и проснулся, так только фермеры. – Маркус посмотрел на светящееся небо за окнами.

– Ты не должен привлекать к себе внимания, – добавил Мэтью. – Хочешь, я побегу вместе с тобой?

– Не надо. Вот только переоденусь. Может, двину в направлении Сен-Прист-суз-Экса. Там сплошные холмы.

– Тебя ждать к завтраку? – Вопрос Мэтью звучал нарочито непринужденно. – А то дети поднимаются рано. Им непременно захочется покомандовать старшим братцем.

– Не беспокойся, Мэтью. – На губах Маркуса мелькнула легкая улыбка. – Твои ноги длиннее моих. Я больше не убегу. Просто надо голову прочистить.

Дверь спальни мы оставили приоткрытой на случай, если Филипп или Бекка проснутся, а сами вернулись в постель. Я заползла под одеяло. В теплое майское утро я поблагодарила

судьбу за мужа-вампира, приятно охлаждающего пространство. Я точно знала, когда Маркус отправился на пробежку, поняв это, когда Мэтью расслабился. До этого он оставался в легком напряжении, готовый вскочить и броситься сыну на помощь.

– Хочешь отправиться следом? – спросила я.

Ноги у Мэтью и впрямь были длиннее, и бегал он быстро. Ему вполне хватило бы времени, чтобы спокойно догнать сына.

– Аллен следует за ним по пятам. На всякий случай, – ответил Мэтью.

– Изабо почему-то больше тревожится за Маркуса, чем за Фиби. – Я отодвинулась; мне хотелось полюбоваться лицом Мэтью в свете раннего утра. – Почему она так сказала?

– Потому что Маркус еще слишком молод, – вздохнул Мэтью.

– Ты шутишь?

Вампиром Маркус стал в 1781 году. Двести с лишним лет, по-моему, достаточно, чтобы повзрослеть.

– Диана, я знаю ход твоих мыслей. Но когда люди становятся вампирами, им снова нужно проходить путь взросления. И порой нам требуется очень много времени, прежде чем мы научимся действовать самостоятельно, – сказал Мэтью. – Когда в нас только-только начинает бурлить вампирская кровь, наши суждения бывают весьма ошибочными.

– Но бурная молодость у Маркуса уже позади.

Де Клермоны охотно рассказывали о ранних вампирских годах Маркуса в Америке; о скандалах и стычках, затевавшихся им. Знала я и о бедах, из которых старшим членам семьи де Клермон пришлось его вызволять.

– Вот потому-то ему и нельзя быть рядом с Фиби в первые месяцы ее преобразования. Маркус намерен относиться к новорожденной вампирше как к своей паре. При иных обстоятельствах это было бы важным шагом. Но учитывая его молодость... – Мэтью ненадолго замолчал. – Надеюсь, я поступаю правильно, давая ему возможность вспомнить собственное прошлое и повзрослеть.

– Семья выполняет желания Маркуса и Фиби, – сказала я, сделав ударение на слове «семья». – А сами ребята вполне взрослые: что вампир со стажем Маркус, что недавняя теплокровная женщина Фиби. Они знают, чего хотят.

– Взрослые, говоришь? – Мэтью передвинулся, чтобы видеть мои глаза. – Это слишком современное воззрение: думать, будто двадцатичетырехлетний мужчина и молодая женщина почти такого же возраста обладают достаточным опытом и могут определить направление их дальнейшей жизни.

С одной стороны, Мэтью поддразнивал меня. Но с другой... опущенные брови указывали, что в какой-то мере он действительно так думает.

– Сейчас двадцать первый век, а не восемнадцатый, – напомнила я мужу. – И потом, Маркусу, которого ты так очаровательно назвал двадцатичетырехлетним мужчиной, на самом деле больше двухсот пятидесяти лет.

– Маркус навсегда останется ребенком той эпохи, – сказал Мэтью. – Будь сейчас тысяча семьсот восемьдесят первый год и он, а не Фиби, встречал бы свой первый вампирский день, ему бы понадобился мудрый совет и сильная рука.

– Твой сын спрашивал совета у всех членов нашей семьи и у семьи Фиби, – напомнила я. – Пора позволить Маркусу самому определять свое будущее.

Мэтью молчал. Его рука гладила мне спину, касаясь тонких шрамов, оставшихся после стычки с ведьмой Сагу Ярвинен. Он снова и снова гладил эти шрамы, напоминая мне обо всех случаях, когда он не сумел защитить тех, кого любил.

– Все будет замечательно, – сказала я, придвигаясь к Мэтью.

– Надеюсь, ты права, – вздохнул он.

После бурного утра, на Ле-Ревенан опустилось благословенное спокойствие. Едва проснувшись, я всегда ждала этих редких моментов тишины. Иногда они продолжались всего двадцать минут. Бывало, растягивались до часа и даже больше.

Малыши в детской мирно спали. Мэтью отправился в библиотеку, где работал над статьей, которую писал вместе со своим коллегой из Йельского университета Крисом Робертсом. На осенней конференции они собирались представить дальнейшие результаты своих исследований и заранее готовились к представлению статьи в ведущий научный журнал. Марта священнодействовала на кухне: консервировала свежую фасоль в перечном рассоле и одновременно смотрела по телевизору, который Мэтью недавно поставил для нее на кухне, французский сериал «Жизнь прекрасна». Поначалу Марта утверждала, что современная мишура ее не интересует, но вскоре ее всерьез зацепили перипетии обитателей района Мистраль в Марселе. Что касается меня, я оттягивала проверку студенческих работ, тратя время на исследования взаимосвязей между приготовлением блюд в XVII веке и лабораторными практиками. Но время, когда я могла склониться над картинками из алхимических манускриптов XVII века, всегда было в дефиците.

Поработав час, я уступила зову великолепной майской погоды. Соорудив холодный напиток, я поднялась на деревянную платформу, построенную Мэтью между парапетами на крыше одной из зубчатых башен Ле-Ревенана. Платформа делалась якобы для любования окрестностями, однако каждый сознавал ее главное назначение – оборонительное. Панорамный обзор на большое расстояние обладал неоспоримым преимуществом и позволял заблаговременно узнать о появлении незваных гостей. Доступ к Ле-Ревенану преграждал вычищенный и заполненный водой ров, что делало замок вполне безопасным, по меркам Мэтью.

На платформе я обнаружила Маркуса. Надев темные очки, он наслаждался жарким весенним солнцем, заливавшим его светлые волосы.

– Привет, Диана, – сказал он, откладывая книгу.

Книга была довольно тощей, в потертom кожаном переплете коричневого цвета, с обилием пятен и вмятин, оставленных временем.

– По-моему, тебе это сейчас нужнее, чем мне. – Я протянула Маркусу высокий стакан ледяного чая. – Много мяты, но ни лимона, ни сахара.

– Спасибо. – Маркус отхлебнул. – И в самом деле вкусно.

– Можно мне посидеть здесь или я нарушаю твое уединение?

Вампиры – существа стадные, но и им иногда хочется побыть в одиночестве.

– Диана, это же твой дом. – Маркус убрал ноги с соседнего стула, служившего ему подобием оттоманки.

– Это семейный дом, где тебе всегда рады, – торопливо возразила я.

Маркусу и так хватало волнений, чтобы породить у него чувство, будто он вторгается в чужое пространство.

– Есть новости из Парижа? – осторожно спросила я.

– Нет. Бабушка сказала, что Фрейя позвонит не раньше чем дня через три. – Пальцы Маркуса скользили по запотевшему стеклу стакана.

– А почему через три?

Вероятно, это был вампирский вариант апгаровского теста, оценивающего здоровье новорожденных.

– Потому что нужно выждать три дня, прежде чем давать новорожденному вампиру какую-то иную кровь, помимо крови из вен его создателя, – пояснил Маркус. – Отлучение вампира от крови создателя – штука рискованная. Если вампир чересчур рано выпьет слишком много чужой крови, это может вызвать смертельно опасные генетические мутации. Иногда новорожденные вампиры умирают.

О таких тонкостях я слышала впервые.

– Для Фиби это станет и первым психологическим испытанием. Подтверждением, что она способна выжить, питаясь кровью других существ, – продолжал Маркус. – Разумеется, они начнут с мелких созданий. С птицы или кошки.

Я попыталась издать одобрительный звук, хотя внутри у меня все перевернулось.

– Я еще раньше проверил способность Фиби убивать мелкую живность. – Маркус смотрел не на меня, а вдаль. – Когда у тебя нет выбора, отнять чью-то жизнь иногда бывает труднее.

– А я думала, наоборот.

– Странная вещь получается, – покачал головой Маркус. – Когда это перестает быть забавой или спортом, теряется решимость. Как ни списывай на инстинкт, выживать, отнимая жизнь у других существ, – деяние корыстное. – Свои слова Маркус сопровождал нервным постукиванием книги по ноге.

– Что ты читаешь? – спросила я, пытаюсь сменить тему.

– Одну свою старую любимую книжку, – ответил Маркус, бросая ее мне.

В иное время непочтительное обращение де Клермонов с книгами спровоцировало бы меня на нравоучительную лекцию, но, судя по внешнему виду книжки, она видела куда худшее обращение. Я заметила обгрызенный угол. При ближайшем рассмотрении оказалось, что переплет весь покрыт пятнами. Круглые вмятины были не чем иным, как следами стаканов, бокалов и кружек. Остатки позолоты и тиснения подсказывали, что книжка обрела переплет где-то в начале XIX века. Маркус буквально зачитал свое сокровище. Переплет книги треснул. На нем были видны следы многочисленных починок, последнюю из которых Маркус сделал полоской пожелтевшего прозрачного скотча.

Любимые предметы вроде этой книжки несли в себе особую магию. Она не имела никакого отношения к ценности или состоянию предмета, но целиком зависела от значения этого предмета в жизни владельца. Я с осторожностью открыла ветхий переплет. К моему удивлению, книга оказалась на несколько десятилетий старше.

«Здравый смысл». Основополагающий трактат Войны за независимость. Я думала, Маркус читает Байрона или какой-нибудь роман, но никак не политический памфлет.

– В тысяча семьсот семьдесят шестом ты служил в Новой Англии? – спросила я, увидев дату и место публикации.

Книжка была издана в Бостоне. Из скурых сведений о юности Маркуса я знала, что он служил в Континентальной армии. Сначала солдатом, потом военным хирургом.

– Нет. Я тогда еще жил дома. – Маркус забрал у меня книгу. – Пойду прогуляюсь. Спасибо за чай.

Чувствовалось, он не был настроен делиться со мной воспоминаниями.

Маркус быстро спустился по лестнице, оставив за собой ворох светящихся спутанных нитей, где красные и темно-синие невообразимо переплетались с черными и белыми. Будучи прядильщицей, я умела распознавать нити прошлого, настоящего и будущего, связывающие Вселенную воедино. Яркие синие и янтарные нити обычно слагали прочную основу, в которую вплетались разноцветные нити индивидуального опыта.

Но только не сегодня. Воспоминания Маркуса были настолько сильными и угнетающими, что исказили ткань времени и делали дырки в структуре, словно готовя проходы для появления какого-то забытого чудовища из прошлого.

Облака, собирающиеся на горизонте, и покалывание в больших пальцах предупреждали меня о скором наступлении полосы бурь. Для всех нас.

Глава 4

День первый

13 мая

Фиби сидела перед закрытыми окнами своей комнаты. Шторы цвета спелой сливы были полностью отдернуты, открывая парижский пейзаж. Насытившаяся кровью создательницы, Фиби пожирала город глазами и жаждала новых открытий, которые преподносило ей изменившееся зрение.

Она узнала, что ночная темнота вовсе не является черной. Нет, темнота имела тысячи оттенков и отличалась по фактуре: от хрупкой, как крылышки стрекозы, до плотной, бархатистой на ощупь. То, что прежде казалось черным цветом, было немыслимым количеством оттенков: от темно-пурпурного и темно-синего до нежнейших светло-серых полосок.

Ее жизнь не всегда будет такой легкой, как сейчас. А пока ей незачем дожидаться появления грызущего ощущения в животе. Достаточно постучать по двери. Рано или поздно Фиби придется прочувствовать голод. Без этого она не научится жаждать живой крови какой-нибудь зверюшки и управлять настоящим желанием добыть эту кровь.

Но пока ее настоящим желанием было рисовать. Этого Фиби не делала очень давно, с тех пор как преподаватель рисования с категоричной небрежностью высказался о ее художественных способностях. Его слова заставили Фиби прекратить собственные эксперименты с холстом и бумагой и переключиться на изучение истории искусства. Но сейчас у нее зудели пальцы от желания схватить кисть и погрузить в густую масляную краску или, смочив водой, коснуться ванночки с акварелью. Холст или бумага – значения не имело.

Но сможет ли она точно передать цвет плиток крыши соседнего дома, находящегося по другую сторону сада: голубовато-серый, с легким серебристым оттенком? Удастся ли ей изобразить иссиня-черное небо в вышине и резкое металлическое свечение на горизонте?

Сейчас Фиби хорошо понимала, почему Джек, правнук Мэтью, работал в технике светотени, покрывая поверхности стен своими воспоминаниями и переживаниями. Игра света и теней была бесконечной. Игра, за которой Фиби могла бы наблюдать часами, не испытывая скуки.

Об этом она узнала от единственной свечи в серебряном подсвечнике, оставленной Фрейей на туалетном столике. Волнообразность света и темнота в сердце пламени оказывали гипнотическое действие. Фиби просила принести в комнату еще несколько свечей. Ей хотелось окружить себя ослепительно-яркими точками, в которые можно погружаться.

– Одной достаточно, – ответила Фрейя. – Нам только не хватало твоего светового обморока в первый день.

Пока Фиби регулярно получала кровь создательницы, ее главной опасностью как новорожденного вампира была атака чувств и ощущений. Стремясь предотвратить несчастные случаи, Фрейя и Мириам зорко следили за ее окружающим пространством, сводя к минимуму опасность потеряться в ощущениях.

Так, сразу же после преобразования Фиби пожелала принять душ. Фрейя сочла игольчатые струи воды слишком травмирующими. Вместо душа Франсуаза наполнила ванну теплой водой. Время нахождения в ванне было строго ограничено, чтобы Фиби не захватило ощущение воды, мягко скользящей по ее коже. Закрыли не только окна в ее комнате, но и во всем доме, преградив доступ манящим человеческим запахам, запахам соседских собак и кошек и загрязненному воздуху. Когда Фиби попросила хотя бы чуточку приоткрыть одно окно – ей хотелось прочувствовать дуновение ветра, – Фрейя покачала головой:

– Прости, Фиби, но мы хорошо помним, как в прошлом году новорожденный вампир обезумел, попав в парижское метро. Запах старой тормозной системы оказался для него непре-

одолимым искушением, и мы потеряли его в туннелях Восьмой линии. В результате – сплошные задержки в движении поездов. А дело было утром. Мэр был крайне возмущен. И Болдуин тоже.

Фиби знала: она могла бы с легкостью разбить стекло, а заодно и раму сломать. Если ей понадобилось бы сбежать отсюда, она бы даже пробила дыру в стене. Но обуздание подобных искушений было проверкой ее умения владеть собой и подчиняться распоряжениям, тестом на то, годится ли она Маркусу в спутницы жизни. Фиби была полна решимости пройти испытания и потому сидела в наглухо запертой комнате, следя за вспышками и движением оттенков света. Она ощущала все: облако, закрывшее луну, далекую звезду, прекратившую мерцать, и даже поворот Земли, чуть приблизивший эту часть планеты к восходу солнца.

– Мне бы красок. И кистей, – шепотом произнесла Фиби, но собственные слова эхом отозвались в ушах.

– Я спрошу у Мириам, – донесся издалека ответ Фрейи.

Судя по царапающим звукам перьевой ручки, которые слегка будоражили нервы Фиби, Фрейя сейчас что-то записывала у себя в дневнике. Иногда Фиби слышала медленный удар сердца Фрейи.

Еще дальше, на кухне, Шарль курил сигару и читал газету. Шелест страниц. Струйка дыма, вырвавшаяся изо рта. Тишина. Удар сердца. Шелест страниц. Струйка дыма. Тишина. Подобно тому как парижская ночь имела свою палитру, все существа обладали неповторимыми палитрами звуков. Такую же песню затянуло сердце Фиби, когда она впервые вкусила крови у Мириам.

– Фиби, тебе еще что-нибудь нужно?

Ручка Фрейи перестала царапать бумагу. Шарль раздавил окурок сигары в металлической пепельнице. Оба ждали ответа Фиби. Конечно, она не сразу привыкнет к возможности разговаривать с вампирами, находящимися в разных комнатах и на разных этажах большого дома.

– Только Маркуса, – с грустью ответила Фиби.

Она привыкла считать себя частью их общего «мы» вместо прежнего индивидуального «я». Ей хотелось столько всего ему рассказать, поделиться впечатлениями о своем первом дне после преобразования. Но их сейчас разделяли сотни миль.

– Почему бы не поупражняться в ходьбе? – спросила Фрейя, завинчивая колпачок авторучки, а через мгновение тетка Маркуса была уже возле двери, в замке мягко повернулся ключ. – Давай я тебе помогу, – предложила Фрейя.

Через порог просочился свет из коридора, где тоже горели свечи. Фиби заморгала, реагируя на мгновенное изменение атмосферы комнаты.

– Свет, оказывается... живой, – сказала Фиби, изумленная сделанным открытием.

– Свет одновременно волна и частица. Странно, как долго теплокровные доходили до понимания этого. – Фрейя встала напротив Фиби и протянула руки, готовая помочь. – Запомни, пожалуйста: не надо давить руками на стул или ногами на пол. Процесс вставания для *драугра*¹ – это просто раскрытие. Как страницу перевернуть. Тебе незачем напрягаться.

Фиби и сутки не пробыла вампиром, а уже успела сломать несколько стульев, оставить приличную вмятину на стенке ванны.

– Поднимайся плавно. Просто подумай о желании встать и вставай. Спокойно. Вот так.

Фрейя оказывала ей постоянную поддержку, и Фиби сразу вспомнила свою детскую учительницу танцев – женщину столь же суровую, но заметно уступавшую Фрейе ростом. Фрейя была настоящей валькирией. Благодаря мадам Ольге, так звали учительницу, Фиби поняла, что рост не имеет ничего общего с телосложением.

¹ В скандинавской мифологии драугр – это оживший мертвец; существо, близкое к вампиру.

Вспомнив о мадам Ольге, Фиби выпрямила спину и инстинктивно схватилась за руку Фрейи, как за деревянные перила. Что-то хрустнуло и сдвинулось.

– Дорогая, пощади мой палец. – Фрейя отпустила руку Фиби; ее указательный палец висел как-то странно, и Фрейя быстро вправила себе вывих. – Ну вот. Мои руки снова в рабочем состоянии. До конца лета ты успеешь еще и кости сломать. – Фрейя взяла Фиби под руку. – Давай походим по комнате. Медленно.

Теперь Фиби понимала, почему теплокровным кажется, что вампиры умеют летать. Вампиру достаточно подумать о месте назначения – и через мгновение он уже там. Вампир и не помнит, чтобы шевелил ногами.

Нынешние ощущения показывали Фиби всю беспомощность состояния новорожденной вампирши. Сделав один робкий шаг, она замирала, восстанавливая равновесие. В дополнение ко всему ее центр тяжести изменился и теперь находился не в крестце, а в сердце. Это вызывало у Фиби странное ощущение. Ее пошатывало, словно она перебрала шампанского.

– Маркус мне рассказывал: он быстро научился особенностям вампирской жизни.

Величественные движения Фрейи постепенно успокоили Фиби. Казалось, Фрейя не столько ходит, сколько вальсирует.

– Другого ему и не оставалось, – с оттенком сожаления ответила Фрейя.

– Почему? – нахмурилась Фиби.

Быстро повернув голову – ей хотелось увидеть выражение лица Фрейи, – Фиби опрокинулась прямо на свою няньку.

– Дорогуша, ты же знаешь: такие вещи надо спрашивать не у меня. – Фрейя осторожно поставила ее на ноги. – Прибереги свои вопросы для Маркуса. Драугр не рассказывает чужих историй.

– Никак у вампиров есть тысяча названий для своей породы? Совсем как у саамов. Но у тех есть тысяча названий для оленей.

Слово «драугр» Фиби уже занесла в свой расширяющийся вампирский словарь.

– Думаю, больше, – ответила Фрейя, наморщив лоб. – У нас даже есть слово, обозначающее болтливую вампира, который без разрешения рассказывает о чужом прошлом.

– И ты знаешь это слово? – Фиби снесало любопытство.

– Конечно знаю, – серьезным, мрачноватым тоном ответила Фрейя. – Мертвый вампир.

Фиби измотали усилия, затраченные на обыкновенное медленное хождение по комнате так, как ходят теплокровные, не продавливая паркетин и не ломая костей. Дважды благополучно обойдя с Фиби комнату по периметру, Фрейя позволила ей отдохнуть, а сама вернулась в утреннюю гостиную, к оставленному дневнику. Писала она обычно всю ночь, пока не взойдет солнце.

Фиби затушила свечу. Ей хотелось увидеть, как ночь сменяется днем. Холодные пальцы едва ощутили жар горящего фитиля. После этого она забралась в кровать, больше по привычке, чем рассчитывая уснуть, и до подбородка натянула одеяло, наслаждаясь мягкостью ткани и жесткостью кромки.

Она лежала в мягкой постели, смотрела на уходящую ночь, слушала музыку пера Фрейи. Из сада и соседней улицы доносились приглушенные звуки.

Я есть.

Отныне и навсегда.

Сердце Фиби изменило свою песню. Оно билось медленнее и ровнее. Напряженное человеческое сердцебиение исчезло, сменившись более простым и мощным ритмом.

Я есть.

Отныне и навсегда.

Интересно, какой она теперь услышит песню сердца Маркуса? Мелодичной и приятной – в этом Фиби не сомневалась. Ей так хотелось поскорее услышать, как бьется сердце ее жениха, и навсегда запомнить.

– Скоро, – прошептала Фиби, напоминая себе, что им с Маркусом принадлежит все время мира. – Скоро.

Глава 5

Грехи отцов

14 мая

Время двигалось к полудню. Я сидела, переписывая с экрана ноутбука рецепт исцеляющего бальзама леди Монтегю, который применялся при одышке у людей и лошадей. Манускрипт хранился в лондонской Библиотеке Уэллкома, на сайте которой я сейчас и паслась. Хотя это была всего лишь оцифрованная копия манускрипта, мне нравилось разглядывать кажущиеся бессмысленными росчерки и завитушки, оставленные перьями XVII века. Я вчитывалась в старинные строчки, находя дополнительные подтверждения неразрывной связи между кулинарией и современной химией. Я собиралась написать об этом в своей новой книге.

Неожиданно в мое рабочее пространство вторгся видеовызов из Венеции. Страница с манускриптом уменьшилась до прямоугольничка в верхнем углу. Со мной желали поговорить Герберт Канталь (он же Герберт из Орильяка) и Доменико Микеле – представители вампиров в Конгрегации.

Будучи ведьмой, я тем не менее являлась третьей представительницей вампиров, занимая место, которое изначально занимал кто-нибудь из семьи де Клермон. И хотя Филипп де Клермон клятвенно признал меня своей дочерью, решение моего деверя Болдуина передать место де Клермонов мне до сих пор вызывало неутраченные споры.

– Ну наконец-то, Диана, – сказал Герберт, когда я приняла звонок. – Мы оставляли сообщения. Почему ты не ответила ни на одно из них?

Я подавила вспыхнувшую досаду:

– Неужели нельзя было решить возникшие проблемы без меня?

– Значит, нельзя. Иначе мы бы их давно решили, – с раздражением ответил Герберт. – Мы должны проконсультироваться с тобой по вопросам, касающимся нашего народа... хотя ты и теплокровная ведьма.

Наш народ. Это было сутью проблемы, касающейся всех: демонов, ведьм, вампиров и людей. Работы Мэтью и Криса, проводимые ими вместе с исследовательскими группами в Оксфорде и Йеле, доказывали, что на генетическом уровне все четыре вида гоминидов имеют больше сходств, чем различий. Но результатов научных исследований явно было недостаточно. Требовалось нечто большее, что изменило бы подходы, в особенности у древних вампиров, намертво привязанных к традициям.

– Область Кришана – это место, где венгерские и румынские кланы воюют не один век, – ввел меня в курс Доменико. – Территория всегда была спорной. Однако последний всплеск насилия уже попал в газеты. Я постарался, чтобы в прессе это было подано как очередной виток в эскалации криминальных разборок.

– Напомните, с кого все началось? – спросила я, роясь на захлапленном столе в поисках книжки, где у меня были записи по делам Конгрегации.

Пролистав ее, я не нашла ни одного имени, имеющего отношение к СМИ. Опять Герберт и Доменико не сумели вовремя информировать меня о тревожных событиях.

– С Андреа Попеску. Она одна из нас, а ее нынешний муж... к сожалению, человек... работает политическим репортером в газете «Эвениментул зилеи». – Глаза Герберта вспыхнули. – Если желаешь, я с радостью отправлюсь в Дебрецен и буду председательствовать на переговорах.

В Венгрии, где сложилась взрывоопасная ситуация, нам не хватало только Герберта с его амбициями.

– А почему бы снова не усадить Альбрехта и Елизара за стол переговоров? – предложила я, назвав имена двух наиболее прогрессивных вампирских руководителей в той части мира. –

Кланам Корвин и Секеи просто необходимо выработать приемлемое решение. Если же они этого не сделают, замок перейдет под управление Конгрегации, пока оба не перестанут упрямиться.

Я совершенно не понимала смысла отчаянной борьбы за эту развалюху. Стены замка находились в угрожающем состоянии. Заходить внутрь было просто опасно: того и гляди, что-нибудь упадет и пришибет насмерть. Я ездила туда в марте, воспользовавшись весенними каникулами в Йеле. Честно говоря, я ожидала увидеть нечто внушительное, а не груды замшелых камней.

– Вопрос касается не улаживания спора о правах на недвижимость, как тебе это видится сквозь призму современных представлений о честности и справедливости, – покровительственным тоном пояснил Герберт. – Слишком много крови там было пролито. Слишком много вампирских жизней оборвалось. Замок Холлокё для этих кланов – священная земля, и их предводители готовы умереть за него. Ты просто не понимаешь всей серьезности того, что на кону.

– Ты хотя бы попытайся мыслить как вампириша, – сказал Доменико. – Наши традиции требуют уважения. Компромиссы – не наш путь.

– Если ваш путь – череда бессмысленных убийств на улицах Дебрецена, он тоже завел вас в тупик, – заметила я. – Предлагаю, разнообразия ради, все-таки пойти по моему пути. Я переговорю с Альбрехтом и Елизаром и сообщу о результатах.

Герберт открыл рот, приготовившись возразить, но я без предупреждения отключилась. Экран ноутбука потемнел. Со стоном я откинулась на спинку стула.

– День в офисе не заладился? – спросил Маркус.

Он стоял, прислонившись к дверному проему и все с той же книгой в руках.

– Неужели эпоха Просвещения промчалась мимо вампиров? – спросила я. – Такое ощущение, что я в ловушке реалий средневекового фэнтези, где все помешаны на мести. И единственное возможное решение конфликта – разгромное уничтожение противника. Почему вампиры предпочитают убивать друг друга вместо переговоров в цивилизованной обстановке?

– Потому что это лишило бы их привычных развлечений, – ответил вошедший Мэтью, подошел к столу и поцеловал меня, неспешно и нежно. – Советую тебе, топ ссег, не мешать Герберту и Доменико. Пусть себе возятся с этой войной кланов. Их проблемы и завтра, и послезавтра никуда не исчезнут. Единственное, что можно с уверенностью сказать о вампирах.

После ланча я отнесла близнецов в библиотеку и устроила напротив пустого очага. Туда же перекочевало достаточно игрушек, чтобы занять их, пока я занималась научными изысканиями. Передо мной лежал переписанный рецепт леди Монтегю. Сейчас я отмечала ингредиенты, входящие в состав бальзама (скипидарное масло, «цветок серы», сенная труха), необходимое оборудование (большой стеклянный сосуд, в какой собирали мочу, глубокая сковорода, кувшин) и процессы (перемешивание, кипячение, снятие накипи). Все это требовалось мне для перекрестных ссылок на другие тексты XVII века.

Библиотека в Ле-Ревенане была одним из моих любимых мест. Она занимала башню. Стены окружали книжные полки из темного ореха, протянувшиеся от пола до потолка. Между полками без всякой регулярности были устроены лестницы, ведущие на ярусы. Помимо них, имелись еще и приставные лестницы. Все это придавало библиотеке странноватый вид, напоминая рисунки Эшера. Каждый дюйм пространства был плотно забит книгами, газетами, бумагами, фотографиями и прочими реликвиями, которые веками собирали Филипп и Изабо. Я успела копнуть лишь самый поверхностный слой здешних сокровищ. Мэтью сделал несколько шкафов, куда должны будут переместиться хаотично разбросанные бумаги. Я надеялась, что такой день наступит и у меня появится время заняться сортировкой. Кое-что я уже успела сделать, собрав часть книг по тематическому признаку: мифология, география и так далее.

В семье почти все находили обстановку библиотеки гнетущей из-за мрачного цвета полок и воспоминаний о Филиппе. Возможно, я вообще была единственной, кто по-настоящему ценил библиотеку. Компанию мне обычно составляли несколько призраков. В данный момент двое из них неумолимо уничтожали порядок, наведенный мной в разделе мифологии. Судя по тому, с каким неистовством призраки возвращали книги на прежние места, они были явно недовольны моим самоуправством.

В библиотеку, насвистывая, вошел Маркус. Под мышкой у него был зажат все тот же «Здравый смысл».

– Смотри! – завопила Бекка, размахивая пластиковой фигуркой рыцаря.

– Ого! Рыцарь в сверкающих доспехах. Я восхищен! – заявил Маркус, присоединяясь к близнецам.

Не желая, чтобы внимание Маркуса доставалось исключительно сестре, Филипп шумно обрушил башню из кубиков. Близнецы обожали эти кубики, отполированные до зеркального блеска. Мэтью делал их сам, находя древесину в каждом из домов нашей семьи. Яблоня и граб – эти кубики были родом из гнезда Бишопов в Мэдисоне. Французский дуб и лайм явились из Сет-Тура, а бук и ясень – из Олд-Лоджа. В наборе было и несколько пятнистых кубиков из ветвей платана, который рос возле лондонского дома де Клермонов. В свое время нижние ветви пришлось спилить, так как они мешали движению двухэтажных автобусов. Каждый кубик имел свой оттенок и фактуру, и это завораживало Филиппа и Бекку. Яркие цвета, обычно нравящиеся детям, не интересовали наших Светлорожденных близнецов. Они унаследовали острое отцовское зрение и очень любили разглядывать узоры волокон, водя пальчиками по поверхности кубиков. Казалось, они узнавали историю каждого дерева.

– Бекка, твоему рыцарю теперь понадобится новый замок, – засмеялся Маркус, указывая на груду кубиков. – Что скажешь, проказник? Хочешь, будем строить вместе?

– Угу, – согласился Филипп, подавая Маркусу кубик.

Но внимание старшего брата отвлекли книги, переставляемые с места на места призрачными руками. Призраков не удавалось видеть даже вампирам с их потрясающим зрением.

– Призраки снова при деле, – усмехнулся Маркус, глядя, как книги перемещаются влево, затем вправо, после чего снова влево. – Столько трудов – и никаких результатов. Неужели им не наскучит?

– Как видишь, нет. А нам стоит поблагодарить богиню, – язвительным тоном ответила я. – Эта парочка – не самые сильные духи. А вот те, что обитают по соседству с большим залом. . .

Упомянутые духи жили в двух рыцарских доспехах, заставляя те греметь и лязгать. Темный узкий переход, где стояли доспехи, лишь добавлял жути. Духи опрокидывали мебель в соседних комнатах и оттуда же воровали разные вещицы, чтобы украсить свое логово. По сравнению с ними библиотечные духи были настолько бесплотными, что я до сих пор не разобралась, кто они и откуда.

– Кстати, они всегда выбирают одну и ту же полку. Что там собрано? – спросил Маркус.

– Мифология, – ответила я, поднимая голову от записей. – Твой дедушка обожал мифы.

– Помню, дед говорил, что ему нравится читать о подвигах старых друзей, – с оттенком иронии произнес Маркус.

Теперь Филипп протягивал свой кубик мне, надеясь, что и я включусь в игру. Игры с близнецами были гораздо привлекательнее рецептов леди Монтегю. Я закрыла рабочую тетрадь и тоже опустила на пол.

– Дом, – сказал Филипп, обрадованный грядущим строительством.

– Сын весь в отца, – сухо заметил Маркус. – На твоём месте, Диана, я бы не терял бдительности, а то сама не заметишь, как через несколько лет окажешься в гуще обширной перестройки замка.

Я засмеялась. Филипп всегда строил башни. Бекка, забыв про рыцаря, сооружала вокруг себя нечто вроде оборонительных сооружений. Маркус подавал им кубики. Участвовать в играх близнецов он был готов везде и всегда.

– Арбуз, – сказал Филипп, вкладывая мне в руку кубик.

– Умница. Арбуз начинается с буквы «А».

– Такое ощущение, что ты сейчас читаешь из моих школьных учебников, – сказал Маркус, подавая кубик Бекке. – Странно, что мы учим детей азбуке теми же старыми методами, хотя все остальное неузнаваемо изменилось.

– Например? – осторожно спросила я, надеясь, что Маркус ненароком расскажет о своем детстве.

– Дисциплина. Одежда. Детские песни. «Сколь славен наш могучий Царь, что правит в небесах», – тихо пропел Маркус. «Пред Ним лицом в грязь не ударь...» Это была единственная песня в моем букваре.

– Совсем не похоже на нашу «Крутятся колеса, и автобус мчится», – согласилась я. – Маркус, а когда ты родился?

Мой вопрос был непростительным нарушением вампирского этикета. Но я надеялась, что Маркус меня простит. Что взять с ведьмы, да еще историка по образованию?

– В августе тысяча семьсот пятьдесят седьмого года. – Маркус холодно излагал факты, его голос утратил все интонации. – Через день после того, как французы захватили форт Уильям-Генри.

– А где? – спросила я, понимая, что испытываю судьбу.

– В Хедли. Городишко в западной части Массачусетса, на берегах реки Коннектикут. – Маркус подцепил и выдернул из джинсов торчащую нитку. – Я там родился и вырос.

Филипп уселся Маркусу на колени и подал еще один кубик.

– Расскажешь мне об этом? Я почти ничего не знаю о твоём прошлом. А тебе это поможет скоротать время, пока ждешь новостей о Фиби.

Я умолчала о том, что эти воспоминания окажут Маркусу и чисто психологическую помощь. Судя по спутанным нитям времени, окружавшим его, внутри Маркуса шла постоянная борьба.

Оказалось, я не единственная, кто видит перепутанные нити. Раньше, чем я успела схватить Филиппа, малыш пухлой ручонкой уцепился за красную нить, идущую из руки Маркуса. Вторая ручонка впилась в белую. Губки двигались, словно Филипп произносил заклинание.

Мои дети не прядильщицы. Я повторяла себе это без конца: в моменты беспокойства, глухой ночью, когда близнецы мирно спали в своих колыбелях, а также в минуты крайнего отчаяния, теснимая со всех сторон сумятицей нашей повседневной жизни.

Но если мои дети не прядильщицы, тогда каким образом Филипп увидел нити гнева вокруг Маркуса? И как сумел легко за них ухватиться?

– Что за чертовщина?!

Маркус в замешательстве смотрел на аляповатые позолоченные часы, донимавшие меня громким тиканьем. Сейчас тиканье смолкло. Стрелки часов примерзли к циферблату.

Филипп протягивал кулачки к животу, увлекая за собой и время. Голубые и янтарные нити протестующее скрежетали. Еще бы! Вместе с ними натягивалась ткань всего мира.

– Пока-пока, оуи, – сказал Филипп, целуя собственные руки с зажатыми в них нитями. – Пока-пока.

«Мои дети – полуведьмы и полувампиры, – напоминала я себе. – Мои дети не прядильщицы». Это означало, что они не способны к...

Вокруг меня дрожал и уплотнялся воздух. Время сопротивлялось заклинанию, сотканному Филиппом в попытке утешить страдающего Маркуса.

– Филипп Майкл Аддисон Сорлей Бишоп-Клермон, немедленно оставь время в покое! – довольно резко произнесла я, и это заставило сына выпустить нити.

После еще одного жуткого мгновения бездействия часы затикали, и стрелки возобновили движение. У Филиппа задрожала губа.

– Мы не играем со временем. Никогда. Ты меня понимаешь?

Я сняла малыша с коленей Маркуса и пристально посмотрела ему в глаза, где древние знания смешивались с детской невинностью.

Удивленный и напуганный моим тоном, Филипп заревел. Башня, которую он строил, рассыпалась, хотя он и близко не стоял.

– Что сейчас было? – спросил озадаченный Маркус.

Ребекка, не выносившая, когда брат плачет, перелезла через груды кубиков, чтобы его утешить. Средством утешения служил большой палец правой руки. Второй большой палец она держала во рту и вынула лишь затем, чтобы сказать:

– Ярко, Пип.

От крошечного пальчика Бекки тянулась фиолетовая нить магической энергии. Я и раньше видела на близнецах остаточные следы магии, но считала, что те не несут никакой определенной функции в их жизни.

Мои дети не прядильщики.

– Дерьмо!

Слово вылетело у меня изо рта, миновав ослабленный контроль разума.

– Ну, класс! Прикольные ощущения. Я всех вас видел, но ничего не слышал, да и сам говорить не мог, – произнес Маркус, очухиваясь после недавних ощущений. – Вокруг все начало тускнеть. Потом ты забрала Филиппа у меня, и мир стал прежним. Я что, путешествовал во времени?

– Не совсем, – сказала я.

– Дерьмо! – восторженно произнесла Бекка, глядя брата по лбу. – Ярко.

Я осмотрела лоб Филиппа. Неужели у него между глазами и впрямь пятнышко *chatoiement* – мерцание, какое бывает у прядильщиков?

– Боже милостивый! Что-то скажет твой отец, когда обнаружит?

– И что же обнаружит его отец?

В дверях стоял Мэтью. Глаза у него весело сверкали. Он занимался починкой медного водостока над кухонной дверью и решил передохнуть. Мэтью улыбнулся Бекке, которая немедленно послала ему воздушные поцелуи.

– Привет, дорогая.

– По-моему, Филипп только что создал... или соткал свое первое заклинание, – пояснила я. – Он почувствовал, что Маркуса донимают воспоминания, и решил их... разгладить.

– Мои воспоминания? – нахмурился Маркус. – И что значит – Филипп соткал заклинание? Он пока и говорить связными фразами не умеет.

– Оуи, – объяснил отцу Филипп и слегка всхлипнул. – Теперь лучше.

Мэтью оторопел.

– Дерьмо! – повторила Бекка, заметив, как изменилось отцовское лицо.

Филипп получил еще одно подтверждение крайней серьезности происходящего. Его чувствительная натура не выдержала, и он снова заревел.

– Но это значит... – Тревога во взгляде Мэтью сменилась изумлением.

– Это значит, что я проспорила Крису пятьдесят долларов, – сказала я. – Он оказался прав. Наши близнецы – прядильщики. Оба.

– И что ты собираешься с этим делать? – спросил Мэтью.

Из библиотеки мы переместились в ту часть замка, где у нас находились спальня, детская, ванная и частная семейная гостиная. В средневековом замке отсутствовало такое понятие, как уют, но мы все же постарались сделать семейные апартаменты теплыми и уютными. Одну громадную комнату мы разделили на несколько: в одной стояла массивная кровать XVII века с балдахинном; в другой – глубокие кресла и мягкие диваны, чтобы сидеть у огня; в третьей – письменный стол, чтобы Мэтью мог работать, пока я сплю. Комнатки слева и справа мы превратили в гардеробную и ванную. Со сводчатых потолков свисали тяжелые железные люстры, к счастью, с электрическими лампочками. Их света было достаточно, чтобы длинными зимними вечерами помещения не казались пещерами. Высокие окна – в некоторых еще сохранились старинные витражи – пропускали летнее солнце.

– Не знаю, Мэтью, – запоздало ответила я на вопрос мужа. – Мой хрустальный шар остался в Нью-Хейвене.

Происшествие в библиотеке размазало меня по стенке. Я все еще прокручивала в мозгу остановку времени. Хотелось думать, что это из-за нее я медлила с ответом на вопрос Мэтью, а вовсе не из-за жуткой паники.

Я закрыла дверь спальни. Древесина была плотной. Между нами и остальными частями замка находилось множество толстых каменных стен. И все равно, чтобы создать дополнительное ограждение от острого вампирского слуха, я включила музыкальный центр.

– А что мы станем делать с Ребеккой, когда проявятся ее магические способности? – задал новый вопрос Мэтью. Как всегда в моменты отчаяния, он запустил пальцы себе в волосы.

– Если проявятся, – возразила я.

– Нет, когда, – упорствовал Мэтью.

– И что, по-твоему, мы должны сделать? – спросила я, переводя стрелки на мужа.

– У нас ведьма ты.

– Значит, это моя вина! – Я сердито уперла руки в бока. – И я же виновата, что это твои дети.

– Я имел в виду совсем другое, – скрипнул зубами Мэтью. – Нужно, чтобы мать показала им пример. Только и всего.

– Ты шутишь! – снова пошла я в атаку. – Они еще слишком малы, чтобы учиться магии.

– Но, как оказалось, не настолько малы, чтобы ее применять. Помнишь, мы говорили, что не станем скрывать от детей, кем являемся? Я выполняю свою часть соглашения. Я брал детей на охоту. Они наблюдали за моим кормлением.

– Дети еще слишком малы для понимания сущности магии, – сказала я. – Помню, я жутко испугалась, увидев, как мама произносит заклинание.

– И потому сейчас ты стараешься не проявлять свои магические способности. – Мэтью шумно вдохнул. Спасибо богине, наконец-то он понял. – Ты пытаешься защитить Ребекку и Филиппа.

По правде говоря, я занималась магией, но выбирала время и место, когда меня никто не видел. Я действовала одна, в ночи новолуния, сторонясь любопытных глаз. Мэтью думал, что я работаю.

– Диана, ты перестала быть собой, – продолжал Мэтью. – Мы все это чувствуем.

– Просто я не хочу, чтобы Бекка и Филипп оказались в ситуации, с которой им будет не справиться.

Перед глазами мелькнули кошмарные видения бедствий, какие способны вызвать младенческие игры с магией. Тут и пожары, и превращение окружающего мира в хаос. Еще страшнее, если они потеряются во времени и я не смогу их отыскать. Тревоги за малышей, до сих пор кипевшие на медленном огне, вдруг забурлили через край.

– Наши дети должны знать: ты не только их мать, но еще и ведьма, – уже мягче сказал Мэтью. – Это часть твоей природы. Это часть и их природы.

– Я все понимаю. Просто не ожидала, что у Филиппа с Беккой так рано проявятся склонности к магии.

– А что вызвало у Филиппа желание навести порядок в воспоминаниях Маркуса? – спросил Мэтью.

– Маркус рассказал мне, где и когда родился. С тех пор как он чуть не рванул к Фиби, его окружает густое облако воспоминаний. Время в них заперто, что серьезно искажает мир. Прядильщик такое сразу замечает.

– Я не прядильщик и не физик, однако при тех знаниях, какие у меня есть... сомневаюсь, чтобы индивидуальные воспоминания одного человека... точнее, одного вампира, смогли бы серьезно повлиять на весь пространственно-временной континуум, – тоном университетского профессора произнес Мэтью.

– Ты так считаешь? – Я подошла к нему, схватилась за ярко-зеленую нить воспоминаний, свисавшую с него несколько дней подряд, и слегка дернула. – А что ты скажешь сейчас? – Я натянула нить туже, и у Мэтью округлились глаза. – Не знаю, что у тебя случилось и когда, но эта нитка торчит из тебя уже который день. И начинает меня доставать. – Я отпустила нить. – Не надо тыкать мне в лицо физикой. Наука не отвечает на все вопросы. – (У Мэтью дрогнули губы.) – Конечно, ты можешь продолжать в том же духе. Посмеяться над моими словами. Не думай, что я разучилась видеть иронию... Кстати, что не дает тебе покоя все эти дни? – спросила я, со вздохом садясь в кресло.

– Да вот все думал, что стало с лошастью, которую я потерял в битве при Босворте, – задумчиво ответил Мэтью.

– Лошадь? И только?! – воскликнула я, всплеснув руками.

Судя по яркости нити, я ожидала, что дело касается тайны, до сих пор вызывающей у Мэтью чувство вины, или кого-то из его бывших возлюбленных.

– Только не размышляй о несчастной лошади в присутствии Филиппа, иначе и глазом моргнуть не успеешь, как окажешься в тысяча четыреста восемьдесят пятом году. И не на поле битвы, а в гуще зарослей терновника.

– Это была замечательная лошадь, – пояснил Мэтью, присаживаясь на подлокотник кресла. – И я совсем не смеюсь над тобой, mon сœur. Я просто удивлялся, как далеко ушли мы от тех времен, когда я верил, что ненавижу ведьм, а ты думала, что ненавидишь магию.

– Зато жизнь тогда была проще, – сказала я, хотя порой и та жизнь казалась мне сложной и запутанной.

– И куда менее интересной. – Мэтью поцеловал меня. – Наверное, тебе больше не стоит будоражить эмоции Маркуса. Подожди, пока они с Фиби вновь соединятся. Не всем вампирам хочется заново навещать свои прошлые жизни.

– Наверное, я сделала это неосознанно. Но я же чувствую: Маркуса что-то тревожит. Что-то, оставшееся нерешенным.

С тех пор прошли десятки лет, однако прошлое не желало отпускать Маркуса.

– Воспоминания вампира не подчиняются линейной хронологии, – пояснил Мэтью. – Это хаотичная груда вроде тех, что сороки устраивают из украденных вещей. Веселое и грустное, светлое и темное собраны там в один громадный комок. Возможно, тебе не удастся вычлнить причину подавленности Маркуса. Или ты не сможешь понять, почему он переживает из-за какого-то пустяка.

– Мэтью, я еще и историк, – напомнила я мужу. – Я каждый день стараюсь понять причины событий прошлого.

– А Филипп? – спросил Мэтью, изогнув бровь.

– Позвоню-ка я Саре. Они с Агатой сейчас в Провансе. Уверена, она даст толковый совет по части воспитания ведьм.

Чтобы насладиться прекрасной погодой, ужинали мы за старым обеденным столом на башенной платформе. Я уписывала за обе щеки приготовленную Мартой жареную курятину с овощами из нашего огорода: нежным латуком, перченой редиской и сладчайшей морковкой. Мэтью откупорил вторую бутылку вина, чтобы им с Маркусом было приятнее коротать остаток вечера. Выйдя из-за стола, мы расселись возле котла, куда вместо воды были положены дрова. Едва вспыхнул огонь, в темное небо устремились вереницы искр. Башня замка Ле-Ревенан превратилась в маяк, видимый за много миль.

Довольная ужином, я поудобнее устроилась в кресле. Мэтью и Маркус обсуждали совместную работу по генетике гоминидов. Их неторопливый разговор тек непринужденно, что сильно отличалось от манеры современных ученых, помешанных на соперничестве. У вампиров было предостаточно времени на обстоятельные исследования. Им не требовалось торопиться с выводами. Результатом таких особенностей был честный обмен мнениями. На меня это действовало вдохновляюще.

Дрова в нашем импровизированном костре догорали, а мне становилось все яснее, что Маркус охвачен новой волной острой тоски по Фиби. Красные нити, связывающие Маркуса с миром, превратились в розовые. Всякий раз, когда он думал о любимой, на нитях появлялись оранжеватые вспышки. Обычно я не замечала мимолетных узелков на ткани времени, но эти бросались в глаза. Маркуса снедала неизвестность. Никаких звонков из Парижа не поступало. Пытаясь его отвлечь, я предложила Маркусу рассказать о его собственном превращении из теплокровного в вампира.

– Решение, естественно, остается за тобой, – сказала я. – Но если ты считаешь, что разговор о прошлом тебе поможет, я буду рада послушать.

– Даже не знаю, с чего начать, – признался Маркус.

– Хэмиш всегда советует начинать с конца, – произнес Мэтью, потягивая вино.

– Или можешь рассказать о своем происхождении, – сказала я, предлагая банальную альтернативу.

– Как у Диккенса? – негромко усмехнулся Маркус. – Глава первая. Я родился. Так?

Привычная биографическая канва: рождение, детство, взросление, женитьба или замужество, появление детей, старость и смерть – для вампиров не годилась. Слишком узкие рамки. Я понимала иронию Маркуса.

– Глава вторая. Я умер. Глава третья. Я родился заново. – Маркус покачал головой. – Знаешь, Диана, вряд ли у меня получится связный рассказ. Тебе покажется странным, но я отчетливо помню кучу разных мелочей и на их фоне едва могу вспомнить даты крупных событий.

– Мэтью уже предупреждал меня насчет особенностей вампирской памяти, – сказала я. – А почему бы нам не начать с чего-нибудь совсем простого? Например, с твоего имени?

Нынче Маркус носил фамилию Уитмор, но я сомневалась, что это его настоящая фамилия.

Помрачневшее лицо Маркуса подсказывало: мой простой вопрос не имел такого же простого ответа.

– Обычно вампиры не разглашают подобных сведений. Имена очень важны, топ ссег, – напомнил мне Мэтью.

Для историков имена были важны не менее, чем для вампиров. Потому я и спрашивала. Зная настоящую фамилию Маркуса, я смогла бы проследить его прошлое по архивам и библиотекам.

Маркус сделал глубокий, успокоительный вдох. Черные нити вокруг него дрожали от возбуждения. Я с беспокойством посмотрела на Мэтью. «Я тебя предупреждал», – говорило выражение его лица.

– Меня звали Маркус Макнил, – вдруг выпалил Маркус.

Маркус Макнил из Хедли, родившийся в августе 1757 года. Имя, дата, место – кирпичи в фундаменте большинства исторических исследований. Даже если Маркус больше не произнесет ни слова, я смогу начать поиски его следов.

– Моей матерью была Кэтрин Чонси из Бостона, а отцом... – Маркусу сдавило горло; он откашлялся и начал снова: – Моим отцом был Обадия Макнил из соседнего города Пэлхем.

– А братья и сестры у тебя были? – спросила я.

– Одна сестра. Ее звали Пейшенс.

Лицо Маркуса побледнело. Мэтью подлил ему вина.

– Старшая или младшая?

Я старалась выведать у Маркуса как можно больше сведений. Возможно, этот вечер был первым и последним моим шансом заглянуть в его прошлое.

– Младшая.

– А в какой части Хедли ты жил?

Чувствуя, что семья для Маркуса – тема болезненная, я постаралась перевести разговор в другое русло.

– За городом. На западной дороге.

– А что ты помнишь о самом доме?

– Немного. – Маркуса удивляло, что меня интересуют подобные вещи. – Входная дверь была красного цвета. Возле дома росла сирень. В мае, когда открывали окна, ее запах проникал в дом. И чем хуже мать относилась к этой сирени, тем пышнее та цвела. А еще помню черные часы на полке над очагом. Часы достались матери от семьи Чонси, и она не позволяла никому к ним притрагиваться.

Маркус вспоминал мелкие подробности из прошлого. До сих пор нити его памяти имели оттенок ржавчины и сепии – признак того, что он долго туда не заглядывал. Рассказ их оживил.

– В Хедли было полным-полно гусей, – продолжал Маркус. – Злющие, они бродили по всему городу и пугали детей. А еще я помню флюгер в виде латунного петуха на шпиле церкви. Его туда приладил Зеб... Боже, я целую вечность не вспоминал про этого петуха!

– Какой Зеб? – спросила я, больше интересуясь еще одним услышанным именем, чем городским флюгером.

– Зеб Пруитт. Мой друг. По сути, мой герой, – медленно произнес Маркус.

Время посылало мне предостерегающие сигналы, эхом отдававшиеся в ушах.

– А какие твои самые ранние воспоминания об этом человеке? – осторожно спросила я.

– Он учил меня маршировать как солдат, – прошептал Маркус. – В сарае. Мне тогда было лет пять или шесть. Мой отец нас застукал и запретил мне водиться с Зебом.

Красная дверь.

Куст сирени.

Бродячие гуси.

Флюгер в виде петуха на шпиле церкви.

Друг, игравший с Маркусом в солдат.

Эти милые сердцу кусочки были фрагментами крупной мозаики, именуемой жизнью Маркуса. Но они не давали возможности выстроить связную картину его прошлого и не сообщали какой-либо значительной исторической правды.

Я уже собиралась задать новый вопрос, но Мэтью покачал головой. «Не вмешивайся, – говорил его сигнал. – Пусть Маркус сам выберет направление дальнейшего рассказа».

– Мой отец был солдатом. Он состоял в ополчении и сражался за форт Уильям-Генри. Когда я родился, он впервые увидел меня только через несколько месяцев. – Голос Маркуса дрогнул. – Я потом часто думал: может, все в нашей жизни пошло бы по-иному, если бы отец вернулся с войны пораньше или вообще на нее не ходил. – Маркуса передернуло; чувствовалось, воспоминания даются ему с трудом. – Война изменила отца. Естественно, она всех

меняет. Но у него Бог и страна всегда стояли на первом месте, а правила и дисциплина – на втором. – Маркус вскинул голову, словно такой выбор стоял сейчас и перед ним. – Думаю, это одна из причин, почему и сам не особо верю в правила. Отец считал, что правила не всегда тебя уберегут. В этом я с ним согласен.

– Твой отец рассуждал, как человек своего времени, – сказала я.

Тогдашняя жизнь в Америке была сплошь пронизана правилами и предписаниями.

– Хочешь сказать, как глава семейства? В этом ты права, – усмехнулся Маркус. – Готовый вспылить из-за пустяка, ввязаться в драку. И уверенность, что Господь и король всегда будут на его стороне, какую бы идиотскую позицию он ни занял. Обадия Макнил правил нашим домом и всеми домочадцами. Это было его королевство. – Синие глаза Маркуса закрылись под тяжестью воспоминаний. – У нас в доме было приспособление для снятия сапог в виде черта. Ты просовывал каблук между рогами, наступал черту на сердце и вытаскивал ногу из сапога. И когда эта вещица оказывалась у отца в руках, даже кошка знала: нужно бежать прочь из дому.

ОДНОСЛОЖНЫЕ СЛОВА

Букварь Новой Англии, 1762 год

age (возраст)
all (все, всё)
ape (обезьяна)
are (*мн. ч. гл. to be*)
babe (мальш)
beef (говядина)
best (лучший)
bold (смелый)
cat (кошка)
cake (пирожное)
crown (корона)
cup (чашка)
deaf (глухой)
dead (мертвый)
dry (сухой)
dull (скучный, тупой)
eat (есть)
ear (ухо)
eggs (яйца)
eyes (глаза)
face (лицо)
feet (ноги)
fish (рыба)
fowl (птица, дичь)
gate (ворота)
good (хороший)
grass (трава)
great (великий)
hand (рука)
hat (шляпа)

head (голова)
heart (сердце)
ice (лед)
ink (чернила)
isle (остров)
job (работа)
kick (лягаться)
kind (добрый)
kneel (преклонять колени)
know (знать)
lamb (ягненок)
lame (хромой)
land (земля, страна)
long (длинный, долгий)
made (сделанный)
mole (крот)
moon (луна)
mouth (рот)
name (имя)
night (ночь)
noise (шум)
noon (полдень)
oak (дуб)
once (однажды)
one (один)
ounce (унция)
pain (боль)
pair (пара)
pence (пенс)
pound (фунт)
quart (четверть)
queen (королева)
quick (быстрый)
quilt (лоскутное одеяло)
rain (дождь)
raise (подниматься)
rose (роза)
run (бежать)
saint (святой)
sage (шалфей; мудрец)
said (сказал)
salt (соль)
take (брать)
talk (сказать)
time (время)
throat (горло)
vaine (тщеславный)
vice (зло, порок)
vile (подлый, низкий)

view (вид, взгляд)

way (путь)

wait (ждать)

waste (растрата)

would (вспомогат. гл.)

Глава 6

Время

Март 1762 года

Черные часы на отполированной полке над очагом отбили полдень, тем самым отметив прошедший час. На фоне побеленных стен гостиной часы являлись единственным украшением комнаты. Рядом с ними лежали семейная Библия и альманах, куда отец записывал важные события и изменения погоды.

Пронзительный бой часов был одним из привычных звуков дома наряду с негромким голосом матери, гоготанием гусей на дороге и гуканьем маленькой сестры.

Часы умокли, дожидаясь следующей возможности наполнить дом звоном.

– Когда па вернется? – спросил Маркус, поднимая голову от букваря.

Отец ушел еще до завтрака. Наверное, он успел сильно проголодаться, не поев каши, яичницы с беконом и хлеба с джемом. Желудок Маркуса сочувственно заурчал. И почему нужно обязательно дожидаться возвращения па, прежде чем садиться за полуденную трапезу?

– Когда закончит дела, тогда и вернется. – Голос матери звучал непривычно резко; на лице под крахмаленным белым чепцом обозначились морщины. – Прочти-ка следующее слово.

– N-ame, – медленно прочел Маркус. – Мое имя – Маркус Макнил.

– Да, так оно и есть, – согласилась мать. – А как читается следующее слово?

– Ni-jit, – нахмурился Маркус; такого слова он раньше не слышал. – Может, ni-got?

– Помнишь, что я тебе рассказывала про немые буквы?

Сестренка Пейшенс ползала по широким половицам. Мать взяла ее на руки и подошла к окну, шелестя подолом коричневого платья. Ветер от ее походки поднимал песок из щелей в половицах.

Материнские пояснения Маркус помнил смутно.

– Night, – догадался Маркус. – И отец тоже ушел ночью. Дождь лил. И темно было.

– Сможешь найти слово «gain» у себя в букваре?

Внимание матери было сосредоточено на внешнем мире, видимом ей через щели между планками ставен. Эти планки она ежедневно очищала от пыли, водя гусиным пером по узкому пространству каждой щели. Она строго следила за порядком и прибиралась в гостиной только сама. Даже старая Элли Пруитт, приходившая раз в неделю помогать матери с другими домашними делами, к уборке гостиной не допускалась.

– Oak. Pain. Quart. Rain. Мама, я нашел! – крикнул Маркус, возбужденный успехом.

– Вот и умница. Когда-нибудь ты станешь ученым в Гарварде, как все мужчины семьи Чонси.

Мать чрезвычайно гордилась своими родными и двоюродными братьями, а также дядьями, учившимися по многу лет. Маркусу такая перспектива казалась еще отвратительнее, чем погода за окном.

– Нет. Я буду солдатом, как па. – Подтверждая решимость двинуться по ратному пути, Маркус лягнул ножки стула, и звук ему так понравился, что он лягнул их снова.

– Прекрати баловаться! Ты помнишь, кем является глупый сын?

Мать покачивала Пейшенс, у которой резались зубы, отчего малышка капризничала и постоянно пускала слюни.

– Пренебрежением для матери, – ответил Маркус, переворачивая страницу стихов, начавшихся с разных букв алфавита.

Вверху помещалось библейское изречение: «Мудрый сын радуется отцу, а глупый человек пренебрегает мать свою»². Мать постоянно напоминала Маркусу это изречение.

– Повтори весь алфавит, – велела мать; теперь она ходила по комнате, чтобы отвлечь Пейшенс от зубной боли. – И не мямли. Тех, кто мямлит, не берут учиться в Гарвард.

Маркус добрался до буквы «Л». «...лжецов участь – в озере, горящем огнем и серою»³. Когда он спотыкался на чтении слов, мать подсказывала. И вдруг скрипнули ворота в заборе, ограждавшем их сад от гусей, повозок и пешеходов. Мать застыла на месте.

Маркус повернулся на стуле и прильнул к двум отверстиям, просверленным в верхней планке. Отверстия предназначались для деревянных втулок, на которые вешался стул возле кухонной двери, но Маркус открыл и другое их свойство. Для него они стали превосходными смотровыми отверстиями. Заглядывая в них, он чувствовал себя разбойником или индейским разведчиком. Порой, когда родители были заняты своими делами и считали, что он делает уроки или следит за Пейшенс, Маркус придвигал стул к окну и смотрел на внешний мир, воображая себя то дозорным, высматривающим индейцев, то капитаном, глядящим в подзорную трубу, а то и грабителем с большой дороги, затаившимся среди ветвей в ожидании очередной жертвы.

Входная дверь распахнулась, впуская в дом шум ветра и стук дождя. В воздухе проплыла насквозь промокшая черная фетровая шляпа с широкими полями и приземлилась на балясину лестницы. Балясина была круглой, и отец Маркуса сделал из нее подобие глобуса для преподавания сыну азов географии. Черными чернилами па нарисовал очертания Восточного побережья Америки. Чернила глубоко въелись в древесные волокна. Несколько клякс изображали океан, по другую сторону которого находились Англия и король. Па утверждал, что громадное расстояние не мешает королю наблюдать за своими американскими подданными. Приходя к ним в дом, Элли каждый раз надраивала балясину, но въевшиеся чернила не оттирались.

– Кэтрин, где ты? – В прихожей отец обо что-то споткнулся и выругался.

– Она здесь, па! – крикнул Маркус, не дав матери ответить самой.

Маркус давно отучился выбегать отцу навстречу, когда тот возвращался домой. Отец не любил быть застигнутым врасплох кем-либо, даже если этот кто-то являлся его маленьким сыном.

Обадия Макнил, слегка покачиваясь, вошел в комнату. От него пахло табачным дымом и чем-то удушливо сладким. В руках отец держал тяжелое железное приспособление для снятия сапог, которое обычно стояло возле входной двери.

Глядя сквозь щель в спинке стула, Маркус не увидел на отцовской шее теплого шерстяного шарфа. Отец всегда надевал этот шарф цвета плодов шиповника, хваченного первым морозцем. Сегодня воротник полотняной рубашки Макнила-старшего был расстегнут, обнажая косо повязанный грязный шейный платок.

– Стулья предназначены для задниц, а не для колен. – Обадия провел грязной ладонью у себя под длинным острым носом, оставив желтоватое пятно. – Малец, ты меня слышал?

Маркус перевернулся, быстро усевшись как положено. Щеки у него пылали. Отец повторял эту фразу десятки раз. Грубая рука толкнула спинку стула. Маркус вылетел с сиденья и ударился о край стола. У него перехватило дыхание.

– Я задал тебе вопрос.

Обадия уперся руками в стол, окружив Маркуса запахом мокрой шерсти и сладковатого дурмана. Отцовская рука по-прежнему сжимала приспособление для снятия сапог. Оно было сделано в виде фигуры черта с загнутыми рогами и длинным туловищем. Каблук снимаемого

² Притчи, 15: 20.

³ Откровение Иоанна, 21: 8.

сапога просовывался между рогами. Черт подмигивал Маркусу черными дырочками глаз и скалил зубы в ухмылке.

– Прошу прощения, па, – быстро произнес Маркус, стараясь не заплакать, ведь солдаты не плачут.

– И не заставляй меня это повторять. – Обадия распрямился, выдохнув запах яблок.

– Обадия, где ты был? – спросила мать, укладывая Пейшенс в колыбель возле очага.

– Не твое дело, Кэтрин.

– Бьюсь об заклад, что на Уэст-стрит. – (Отец не ответил.) – Поди и Джосайя был с тобой? – задала новый вопрос мать.

Двоюродного брата Джосайю Маркус недолюбливал. Когда тот говорил, глаза у него всегда бегали, а голос звучал отвратительно громко, отдаваясь эхом от потолочных балок.

– Не любопытствуй, женщина, – устало произнес Обадия. – Я пойду в хлев. Посмотрю, как там Зеб управляется со скотиной.

– Я помогу! – вызвался Маркус, вскакивая со стула.

В отличие от Джосайи, Зеб Пруитт вызывал у него искреннюю симпатию. Зеб научил его привязывать леску к удилищу, ловить мышей в сарае и залезать на яблоню. А еще Зеб накрепко вбил в голову Маркуса, что городские гуси опаснее собак и могут сильно покусать.

– Зеб не нуждается в твоей помощи, – сказала мать. – Оставайся здесь и доделывай урок.

У Маркуса вытянулось лицо. Ему совсем не хотелось читать. Он хотел пойти в хлев и поиграть в солдата, маршируя в главном проходе и выполняя команды Зеба. А если туда проберется враг, он спрячется за корытом с водой.

Мать поспешила за отцом, оставившим дверь открытой настежь.

– Следи, чтобы Пейшенс не выпала из колыбели, – велела мать, сдергивая со стенного крючка теплый платок.

Маркус хмуро посмотрел на младшую сестру. Пейшенс сосала кулачок. Тот блестел от слюны и был ярко-красного цвета от постоянных кусаний.

Солдат из Пейшенс получился бы никудышный. Но тут у Маркуса мелькнула мысль, и его лицо просияло.

– Слушай, а хочешь быть моей пленницей? – шепотом спросил он, вставая на колени перед колыбелью.

Пейшенс что-то прогукала в ответ.

– Отлично! Тогда оставайся там, где находишься. Не шевелись. И не ной, иначе тебя выпорят.

Забыв про уроки, Маркус слегка покачивал колыбель, представляя, что находится сейчас в лесной пещере и ждет, когда появится командир и похвалит его за мужество.

– Должно быть, вы глаз не сомкнули из-за этого шума. А повозки так и ездили всю ночь из города на кладбище и обратно.

Старая мадам Портер поставила перед матерью Маркуса изящную фарфоровую чашечку с блюдцем. Фарфор был тонким, как яичная скорлупа. Сквозь стенки чашечки Маркус без труда видел обои цвета весеннего неба.

Дом мадам Портер считался одним из лучших в Хедли. Снаружи его стены были обшиты ярко раскрашенными панелями, а стены комнат обклеены узорчатыми обоями. Стулья имели резные спинки и мягие сиденья. Окна, следуя новой моде, открывали, поднимая их вверх. И никаких тебе створок и оконных переплетов. Маркус любил здесь бывать; не столько из-за богатого убранства, сколько из-за угощения. Обычно мадам Портер предлагала гостям бисквит «мадейра» с прослойками из джема и ягодами черной смородины, украшавшими верх.

Маркус успел сосчитать до пяти, прежде чем мать потянулась к чашке. В семье Чонси не набрасывались на еду и не вели себя так, словно забыли, когда в последний раз ели.

В ребра Маркусу ткнулось что-то острое. Деревянная юла, которую держала мисс Анна Портер, внучка мадам Портер. Эта девчонка постоянно напоминала Маркусу, что она старше его на целый год и один месяц. Выпученные карие глаза и кивки рыжей головы подсказывали, что Анна предлагала ему не мешать взрослым вести свои разговоры, а пойти поиграть.

Однако Маркусу как раз хотелось остаться и узнать о происшествии на кладбище. Должно быть, там случилось что-то скверное, раз взрослые не говорили об этом в присутствии его и Анны. Может, призраки появились. Маркус на это надеялся. Он любил истории про призраков.

– Меня попросили помочь, а мне было некого послать, кроме Зеба. – Мадам Портер тоже села и тяжело вздохнула. – Когда ненастной ночью стучат в дверь, я вспоминаю, каково жить без мужа.

Мать Маркуса сочувственно вздохнула и отхлебнула из чашечки.

Муж мадам Портер участвовал в сражении и героически погиб. Зеб много рассказывал о мастере Портере, но Маркус так и не мог понять, был ли тот хорошим человеком.

– Честное слово, Кэтрин, вам следует нанять дом в городе. Жизнь рядом с кладбищем не лучшим образом сказывается на здоровье, – сказала мадам Портер, поменяв тему разговора.

Она придвинула к себе рукоделие. Игла в ее пальцах запорхала, вышивая яркий узор.

– Бабушка говорила, что твой па – пьяница, – шепотом сообщила Анна, прищурив глаза с веснушчатými веками.

Она размахивала юлой, отчего руки фигурки двигались медленными кругами. Физиономия юлы с черными курчавыми волосами и смуглой кожей здорово напоминала лицо Зеба Пруитта.

– Неправда, – возразил Маркус, хватаясь за голову юлы.

– А вот и правда, – все так же шепотом продолжала дразнить его Анна.

– Возьми свои слова назад! – потребовал Маркус и вырвал у Анны юлу.

Крик заставил мадам Портер и мать повернуться в его сторону.

– Ой! – Анна держалась за свой длинный рыжий локон, губы у нее дрожали. – Маркус дернул меня за волосы.

– Врешь ты! – возмутился Маркус. – Я тебя и пальцем не тронул.

– Еще и мою игрушку отобрал. – Из глаз Анны хлынули слезы и потекли по щекам.

Маркус усмехнулся.

– Маркус Макнил, – тихо, но сурово произнесла мать, – джентльмены не обижают беззащитных женщин. Тебе известна эта азбучная истина.

У Анны были сильные руки, да и бегала она быстрее, чем ошпаренная кошка. К тому же у нее хватало двоюродных и троюродных братьев – мальчишек крепких и решительных. Кто-то, а уж она никак не относилась к числу беззащитных.

– В их отношениях с юными леди нет издевательств вроде щипков или дергания за волосы, – продолжала мать, лишая Маркуса надежды оправдаться. – А поскольку ты не умеешь себя вести в приличном обществе, сейчас ты попросишь прощения у Анны и мадам Портер, после чего отправишься в сарай и будешь дожидаться меня там. Когда мы вернемся домой, отец узнает, как ты вел себя в гостях.

То, что отец рассердится, Маркус и сам знал.

– Прошу прощения, мэм, – сказал он, слегка поклонившись мадам Портер и стискивая за спиной кулаки. – Анна, прошу меня извинить.

– Что ж, прекрасное извинение, – одобрительно кивнула мадам Портер.

Маркус помчался в сарай, не дожидаясь ответа Анны. Он старательно гнал страх перед тем, что ожидало его дома, и кусал губы, чтобы не заплакать от прилюдных материнских нравоучений.

– С тобой все в порядке, мастер Маркус? – спросил Зеб Пруитт.

Он стоял в одном из загонов, опираясь на вилы. Рядом с ним находился долговязый, широкоплечий Джошуа Бостон.

– Может, дома что произошло? – спросил Джошуа, выплевывая длинную, тонкую струйку коричневой жидкости.

Если Зеб был в своей обычной замызганной блузе, Джошуа явился сюда в шерстяной куртке с блестящими пуговицами.

Маркус икнул и покачал головой.

– М-да. Сдается мне, мисс Анна опять затеяла проказу, а ты отдуваешься, – сказал Зеб.

– Она назвала моего па пьяницей, – признался Маркус. – Это вранье. Он каждое воскресенье ходит в церковь. Бог отвечает на твои молитвы. Так говорит па. А теперь я должен рассказать па про историю с Анной. Он опять на меня рассердится.

Зеб и Джошуа многозначительно переглянулись. Потом Зеб вонзил вилы в копну сена и присел на корточки, чтобы быть вровень с Маркусом.

– Если человек ненастным вечером заглянет в таверну Смита, чтобы обсушиться у огня, это не делает его пьяницей. А на что мистер Макнил рассердился в прошлый раз?

– Он уходил поздно вечером и вернулся только на следующий день. Я стоял на стуле на коленях и не успел слезть. Па сотни раз повторял мне, чтобы я так не делал. – Маркус вздрогнул, вспоминая недавний разговор с отцом. – Па тогда сказал: если я снова его слушаю, он меня выпорот.

Джошуа что-то пробормотал себе под нос. Маркус не расслышал, зато Зеб расслышал и кивнул.

– Если па в мрачном настроении, старайся не попадаться ему на глаза, – посоветовал Зеб. – Спрячься в курятнике или под ивой у реки и жди, когда гроза пройдет.

– А как я узнаю, что можно возвращаться? – спросил Маркус, беспокоясь, что так ведь недолго и обед пропустить.

– Научишься, – ответил Зеб.

В тот вечер Маркус взял подушку и подложил ее под спину, устроившись на верхних ступеньках лестницы. Жгучая боль в заду и ногах сменилась тупой. Отец задал ему обещанную порку, отходя от него не рукой, как бывало, а кожаным ремнем, взятым из сарая. Это чтобы урок запомнился.

Ма и па спорили на кухне. Причину спора Маркус не знал, но догадывался, что она связана с ним. В животе урчало от голода. Обед был скудным. Хлеб, который ма выпекала к обеду, подгорел.

– Знай свое место, Кэтрин! – рявкнул па.

Он стремительно вышел из кухни, попутно схватив с балясины шляпу. Фетр высох, но поля съезжились, и шляпа утратила прежнюю треугольную форму.

Маркус открыл рот, готовый снова извиняться, только бы прекратить эти крики. Но ему было запрещено вклиниваться в разговор родителей, и он просто ждал, надеясь, что отец повернется, увидит его сидящим на лестнице и спросит, почему он торчит здесь, а не лежит в постели.

– Мое место – удерживать нашу семью от краха, – ответила мать. – Я едва собираю на стол. Как нам жить дальше, если ты пропиваешь все деньги, что у нас остались?

Отец стремительно повернулся. Правая рука взметнулась вверх. Кэтрин вжалась в стену, прикрыв лицо.

– Не зли меня, не то и тебе достанется по полной, – тихо сказал Обадия и ушел не обернувшись.

Глава 7

День второй

14 мая

В отличие от первого дня, второй день в качестве вампира не принес Фиби восторженных, похожих на сон ощущений. Пока тело училось находиться в покое, разум не мог и не желал успокаиваться. Воспоминания, сцены ее студенческих лет, когда она изучала историю искусства, слова любимых песен – все это и множество другого неслось через ее мозг, сливаясь в подобие будоражащего фильма, где она одновременно играла главную роль и была зрительным залом. С тех пор как она стала вампиром, ее воспоминания сбились в причудливый комок, приобретя необычную остроту.

Мой первый велосипед был темно-синего цвета, с белыми полосами на колесных щитках.

Где-то он теперь? Фиби задумалась. Кажется, в последний раз она ездила на нем, когда они жили в Хэмпстеде.

В Хэмпстеде был паб. Идеальное место, чтобы зайти на ланч во время воскресных прогулок.

Больше у нее никогда не будет воскресных ланчей. Свыкнувшись с этой мыслью, Фиби задалась вопросом: а что теперь она станет делать по воскресеньям? Как принимать и развлекать друзей? В церковь ни она, ни Маркус не ходили. Когда они пожениятся, им придется создать иные воскресные ритуалы, которые не сосредоточены вокруг обильного угощения.

В девонской церкви, где венчалась ее лучшая подруга, был удивительный витраж, составленный из голубых и розовых фрагментов. Всю службу Фиби любовалась его затейливыми узорами и восхищалась красотой.

Сколько лет этому витражу? Фиби не была экспертом по витражам, но что-то подсказывало ей про Викторианскую эпоху. Не такой уж и старинный.

А вот стеклянный кувшин с селадоновой глазурью, который стоит на первом этаже, гораздо древнее.

Наверное, римский, примерно третий век? В таком случае он имеет бешеную ценность. Зря Фрейя держит его там, где этот шедевр легко могут разбить.

Целое лето Фиби провела в Риме на раскопках, изучая разноцветные кубики древней мозаики. Лето выдалось жарким и сухим. У нее сгорели все волосы в ноздрях, и потому каждый вдох обжигал легкие.

Интересно, изменился ли ее нос? Фиби встала и посмотрелась в помутневшее от времени зеркало. В нем отражалась комната за ее спиной: элегантные очертания кровати эпохи Второй империи, балдахин, свисавший с потолка и делавший кровать уютным уголком. Там же отражался изящный гардероб и глубокое кресло, где можно устроиться с ногами и читать.

На покрывале опять появилась складка.

Фиби нахмурилась. Она помнила, как тщательно разглаживала эту складку.

Раньше чем в ее голову залетела новая мысль, Фиби уже стояла на коленях на кровати, а ее пальцы снова и снова давили на ткань покрывала. Она ощущала каждое волокно на простынях. Какая грубятина!

– Теперь понятно, почему я не могу спать. Попробуй усни на такой мешковине.

Фиби впиалась в простыни, чтобы содрать их и заменить на более мягкие, которые не будут царапать ей кожу и мешать спать.

Но простыни превратились в груды лоскутов. Ногти Фиби по остроте не уступали орлиным когтям.

– Как вижу, мы добрались до жуткого второго дня. – Войдя в комнату, Фрейя скользнула холодными голубыми глазами по растерзанному постельному белью.

Фиби предупреждали насчет ее второго дня, во многом повторяющего беды и несчастья второго года человеческой жизни. Но она не вняла предупреждениям, поскольку не была и теперь уже не будет матерью. Свой второй год она, естественно, не помнила, и никто из ее друзей пока не обзавелся детьми.

– Гнездо решила свить? – спросила Франсуаза, оглядывая учиненный Фиби беспорядок.

Если раньше Фиби восхищалась сверхъестественной вездесущностью Франсуазы, нынче это начало ее раздражать.

– Простыни царапали мне кожу. Я из-за них спать не могу, – ответила Фиби, не в силах скрыть раздражение.

– Фиби, дорогуша, мы ведь уже говорили об этом. – Голос Фрейи звучал рассудительно, с сочувствием; настоящий бальзам для обнаженных нервов Фиби. – Пройдет не один месяц, прежде чем ты сумеешь вздремнуть. А глубокий сон вернется только через годы.

– Но я устала, – пожаловалась Фиби, поймав себя на том, что хнычет, как капризный ребенок.

– Нет, тебе просто скучно и ты голодна. Драугр должен быть предельно точным относительно своих эмоций и состояния ума, иначе ты нафантазируешь себе уйму чувств. Твоя кровь слишком сильна и неуемна, чтобы ты нуждалась во сне.

Взгляд Фрейи переместился к окну, где она заметила крошечное нарушение гармонии. На стекле появилась трещина.

– Как это случилось?

– Птица. – Фиби опустила глаза.

Что там? Трещинка в полу? Или это фактура древесины? Она могла бы целую вечность разматывать этот клубок...

– Трещина начинается изнутри, – сказала Фрейя, приглядываясь к стеклу. – Фиби, я тебя еще раз спрашиваю: как это случилось?

– А я тебе уже ответила. Птица. – Фиби заняла оборону. – Она сидела на дереве. Мне захотелось привлечь ее внимание, и я постучала по стеклу. Я не собиралась ничего ломать. Просто хотела, чтобы птица посмотрела на меня.

Эта птаха заливалась не переставая. Поначалу Фиби даже заслушалась. Ее вампирские уши улавливали тончайшие переходы в птичьих трелях. Однако когда новизна исчезла, а птица и не думала замолкать, Фиби захотелось свернуть пичуге шею.

Если бы я попробовала птичьей крови, то сумела бы понять, отчего птицы поют без умолку?

Живот Фиби заурчал.

– Я чертовски стара, чтобы опять становиться мамашей. Напрочь забыла, какой занозой в заднице бывают детки, – сказала вошедшая Мириам.

Она уперла руки в свои изящные бедра и встала в любимую позу, слегка расставив ноги в замшевых сапогах на высоком каблуке (Мириам обожала сапоги). Боевая стойка говорила: «А ну-ка, попробуйте меня отместить как досадную мелочь!»

Создательница Фиби явно гордилась собой, и эта гордость передалась Фиби, ведь в ее жилах текла сильная, могущественная кровь Мириам. Пусть сейчас в вампирском мире она маленькая, ничтожная букашка, но со временем станет вампиром, с которым будут считаться.

Следом за гордостью Фиби охватило жгучее недовольство собой, сжавшее ей горло.

– В чем дело? – забеспокоилась Фрейя. – Свет слишком яркий? Франсуаза, немедленно задерни шторы!

– Солнце тут ни при чем. Я подросла всего на какой-то дюйм.

Фиби чуть ли не каждые десять минут проверяла свой рост, делая отметки на косяке двери, которая вела в ванную. Вот уже восемь часов подряд все ее отметины оставались на прежнем уровне, зато борозды, прочерченные ногтем, облупили краску.

– Если ты стремилась всего лишь увеличить рост, нужно было выбирать в создательницы Фрейю, – язвительно заметила Мириам, прошла мимо датчанки ростом почти шесть футов, быстро оглядела учиненный Фиби беспорядок, удостоверилась, что в оконном стекле действительно есть трещина, после чего вперилась темными глазами в свою дочь. – Что скажешь? – Судя по тону, создательница требовала объяснений.

– Мне скучно, – почти шепотом ответила Фиби, ошеломленная столь детским признанием.

– Прекрасно! Ценю твою искренность, – одобрительно кивнула Фрейя. – Это, Фиби, громадный скачок вперед.

Мириам прищурилась.

– И еще, – продолжила Фиби, голос которой звучал все жалобнее, – я проголодалась.

– Потому-то и нельзя превращать людей в вампиров ранее тридцати лет, – сказала Мириам, обращаясь к Фрейе. – Недостаточность внутренних ресурсов.

– Тебе самой было двадцать пять! – запальчиво выкрикнула Фиби.

Обида подхлестнула в ней потребность обороняться.

– В те времена двадцатипятилетняя женщина была уже практически старухой, – покачала головой Мириам. – Фиби, мы не можем прибегать на каждую вспышку твоего беспокойства. Изволь сама продумать, чем заполнить время.

– Ты играешь в шахматы? Вышиваешь? Любишь готовить? Составлять духи? – Фрейя принялась перечислять занятия средневековой датской принцессы. – А стихи ты пишешь?

– Готовить?

Такая перспектива повергла Фиби в ужас. Ее пустой желудок протестующе заурчал. Даже будучи теплокровной, она не любила готовить. А теперь, когда она стала вампиром, это было начисто исключено.

– Кстати, очень благодатное хобби. Я знала вампиршу, которая десять лет совершенствовала рецепт суфле. По ее словам, это прекрасно успокаивало, – ответила Фрейя. – Я говорю про Веронику. Разумеется, ее занятие имело причину. У нее тогда муж был простым человеком, обожавшим все эти кондитерские эксперименты. Кстати, они же его и доконали. Сахар и яйца забили все сердечные сосуды, и он умер в пятьдесят три года.

– Ты говоришь про Веронику, которая работает в Лондоне?

Фиби не предполагала, что Фрейя и бывшая возлюбленная Маркуса знакомы.

Маркус.

При мысли о нем Фиби пронзило электрическим током.

Когда она еще была теплокровной, от прикосновений Маркуса ее вены горели огнем, а хрупкие руки и ноги превращались в жидкость. Теперь, после ее преобразования, беспокойный ум Фиби тут же переключился на мысли об открывающихся возможностях. Губы сложились в соблазнительную улыбку.

– Боже мой! – пробормотала Фрейя, сразу уловившая, куда устремилось неприкаянное внимание Фиби. – А как насчет музыки? Ты на чем-нибудь играешь? Любишь петь?

– Никакой музыки! – отрезала Мириам, и ее мелодичное сопрано зазвучало столь громко, что только вампирские уши могли это выдерживать. – Когда Джейсон взялся за барабан, мы с его отцом чуть не рехнулись.

Фиби еще не успела познакомиться с Джейсоном – единственным уцелевшим сыном давным-давно погибшего мужа Мириам.

Предвкушая знакомство с ним, Фиби забарабанила пальцами по столу. Братьев у нее не было. Только Стелла. Сестры – это совсем другое, особенно младшие. Как бы строились ее отношения со старшим братом? Мысли Фиби хлынули в этом направлении.

Мириам больно придавила ей руку своей изящной маленькой ладонью:

– Прекрати барабанить!

Скучающая, голодная, беспокойная, по сути, пленница Фрейи и Мириам... Как она это выдержит? Фиби захотелось убежать отсюда и вдохнуть свежего воздуха.

– Я хочу охотиться.

Собственное признание изумило Фиби. Раздумья об охоте тревожили ее и раньше, в довампирской жизни. Она думала об этом недели напролет. Нынче Фиби решительно гнала эти мысли, ведь охота закончится тем, что ей придется пить кровь живого человека. Она сомневалась в своей готовности к такому шагу.

Однако...

Фиби инстинктивно понимала: охота уймет поток ее беспокойных мыслей. Насытит не только тело, но и ту часть личности, где сейчас царил тоскливая пустота. Охота принесет покой ее душе.

– Вполне понятное желание, – сказала Фрейя. – Мириам, ты согласна, что Фиби делает потрясающие успехи?

– Она еще не готова, – изрекла Мириам, остудив пыл Фиби.

– Но я голодна.

Фиби ерзала на стуле, пожирая глазами запястье Мириам. Вкушать кровь создательницы было все равно что ужинать и слушать сказку. С каждой каплей проглатываемой крови разум и воображение Фиби наполнялись воспоминаниями Мириам. За эти два дня она узнала о Мириам намного больше, чем за пятнадцать месяцев их знакомства.

Во время последующих кормлений Фиби уже не отвлекалась на неясные, разрозненные воспоминания Мириам, а сосредоточилась на самых сильных впечатлениях.

Фиби узнала, что высокий мужчина с резкими чертами лица, умными, настороженными глазами и постоянной улыбкой на губах и был мужем Мириам. Только она звала его Ори, тогда как другие называли его Бертраном, Вендаленом, Людо и Рэндольфом. Мать Ори вообще звала его Гундом.

В прошлом Мириам создавала преимущественно сыновей. Делалось это ради собственного выживания. Мужское окружение в те времена оберегало от опасности быть изнасилованной и ограбленной. В случае необходимости Мириам выдавала сыновей за своих братьев и даже мужей. Сыновья ограждали ее от алчных людей с их нескончаемой потребностью стяжать побольше богатства, а также от вампиров, стремившихся расширить свои территории. Сыновья Мириам, как и ее муж Ори, погибли в жестоких войнах, которые черной траурной лентой тянулись сквозь ее воспоминания.

Затем Мириам начала создавать дочерей. Первой была Тадерфит, убитая своим мужем-вампиром в припадке ревности. Лалла, вторая дочь Мириам, погибла от рук собственных детей. Ее буквально растерзали на куски, после чего клан продолжил борьбу за главенство. Мириам истребила всех соперничающих внуков и внучек, после чего закаялась создавать дочерей.

Но кровь Мириам хранила воспоминания не только о седой древности. Там запечатлелись и более поздние события. Во многих воспоминаниях присутствовал Мэтью де Клермон, создатель Маркуса. На людных улицах Иерусалима Мэтью и Ори неизменно обращали на себя внимание. Толпа расступалась, пропуская рослых рыцарей. Волосы одного были цвета воронова крыла, другого – золотистыми. Мэтью и Ори, закадычные друзья.

Так продолжалось, пока не появилась Элеонора. Воспоминания Мириам показали Фиби, что эта англичанка была очень красива. Кожа фарфоровой белизны, льняные волосы, свидетельствующие о саксонском происхождении. Неиссякаемая жизнерадостность Элеоноры, без преувеличения, привлекала к ней целые стада вампиров. Вампирская кровь отточила черты ее лица и фигуру, доведя то и другое до совершенства, а потому недостатка в привлекательных мужчинах у нее не было. Однако это жизнелюбие имело иную природу.

Мириам тянулась к веселой и общительной Элеоноре, привлекавшей всех: демонов, людей, вампиров и ведьм. Она подружилась с Элеонорой Сент-Леджер, когда та прибыла на Святую землю вместе с семьей и очередной волной крестоносцев. И не кто иная, как Мириам, познакомила англичанку с Мэтью де Клермоном. Делая это, она и не подозревала, что собственными руками посеяла семена событий, закончившихся казнью ее мужа.

Бертран пожертвовал жизнью ради спасения жизни Мэтью. Дружеские узы, связывавшие их, были настолько глубокими, что граничили с братскими. Однако большинство вампиров сочли гибель рыцаря трагическим следствием возвышения семьи де Клермон.

Обещай, что будешь присматривать за ним. То была последняя просьба, высказанная Ори во время его последнего свидания с Мириам накануне утра казни. Через несколько часов Ори в последний раз надел яркую котту и повесил на пояс рыцарский меч.

Мириам согласилась. Просьба Ори и ее обещание запечатлелись у нее в крови. Даже сейчас это связывало Мириам и Мэтью. Присматривающих за Мэтью и так хватало: Диана, Изабо, Маркус и все другие члены ветви Бишоп-Клермон, к которой вскоре примкнет и Фиби. Но Мириам твердо выполняла обещание, данное мужу накануне казни, и будет выполнять всегда.

Фиби настолько поглотили воспоминания Мириам, что она едва заметила, как за Фрейей и Франсуазой закрылась дверь, но почувствовала запах приближающейся создательницы и схватила Мириам за запястье.

– Не смей! – ледяным тоном произнесла Мириам.

Фиби отпустила ее руку.

Они стояли вплотную друг к другу. Их сердца медленно бились, словно у них было одно общее сердце. Дождавшись, когда голод Фиби еще возрастет, Мириам предложила своему ребенку кровь.

– Завтра покормишься еще, – сообщила Мириам, – но уже не от меня. Моей крови ты больше не получишь.

Фиби рассеянно кивнула. Ее губы припали к руке Мириам. Вместе с вкушаемой кровью замелькали лица: одно за другим. Перед Фиби разворачивалась история, которую кровь Мириам рассказывала с искусностью Шехерезады.

Лалла.

Ори.

Лалла.

Тадерфит.

Ори.

Элеонора.

Ори.

Мэтью.

Маркус.

Имена всплывали на поверхность вместе с лицами, пробиваясь через толщу воспоминаний Мириам.

Фиби.

В этой цепи была и она. Фиби увидела себя глазами Мириам: голова, склоненная набок, вопрос, застывший на лице. Маркус что-то рассказывал ей, а она слушала.

Подобно тому как Мириам была частью Фиби, теперь и она стала частью Мириам.

После ухода Мириам Фиби сосредоточилась на этой сверхъестественной связи и вдруг обнаружила, что больше не испытывает ни скуки, ни беспокойства. Она упорядочила свои мысли вокруг центральной истины – ее взаимосвязи с Мириам – и удерживала это понимание, словно оно было фокусной точкой только что открытой Солнечной системы.

Будь она теплокровной, а не вампиром, успокаивающее чувство принадлежности к новой семье погрузило бы Фиби в спокойный сон. Но вместо этого Фиби сидела неподвижно, позволяя мыслям наполнять и успокаивать ее разум.

Пусть ее состояние и не было сном, но оно вполне заменяло ей сон.

Глава 8

Кладбище

15 мая

Мэтью разыскал меня в библиотеке. Я балансировала на приставной лестнице, исследуя содержимое полок.

– Как ты думаешь, у Филиппа были книги по истории Америки? – спросила я. – Сколько не ищу, ни одной не попало.

– Сомневаюсь, – ответил Мэтью. – Отца интересовали текущие события, и потому он предпочитал газеты. Кстати, я собрался вести детей в конюшню. Почему бы тебе не пойти с нами?

Я начала спускаться, держась одной рукой за ступеньки, а в другой зажав атлас и книгу Кревкёра «Письма американского фермера», изданную в 1784 году и подписанную автором.

– Спускайся осторожно, не то шею сломаешь. – Мэтью встал у основания лестницы, бдительно следя за моими движениями. – Если тебе что-то нужно, ты лишь попроси, и я с радостью найду.

– Если бы здесь существовал общий каталог или хотя бы тематические каталоги, я бы вообразила, что нахожусь в Бодлианской библиотеке, заполнила бы запрос и отправила бы тебя странствовать вдоль полок. Но поскольку в этом славном хранилище ничего подобного нет, придется мне самой скакать по лестницам.

Один из призраков (они опять перемещали книги) сдвинул пару книг, предложив мне третью.

– Гляди-ка, у тебя возле левого локтя бултыхается какая-то книга, – сообщил Мэтью.

Самого призрака он не видел, но не увидеть парящую в воздухе книгу было невозможно. Я взяла книгу и прочла название, вытесненное золотом на корешке:

– «Персидские письма». Дорогой призрак, я не ищу книги эпистолярного жанра. Мне нужны книги об Америке. Но все равно спасибо за помощь.

– Бросай мне книжки. Легче будет спускаться, – предложил Мэтью.

Я не спорила, тем более что атлас был достаточно тяжелым. Сойдя с лестницы, я в благодарность поцеловала Мэтью.

– Зачем тебе понадобились книги об Америке? – спросил он, просматривая названия.

– Пытаюсь соорудить из рассказов Маркуса исторически связанное повествование.

Я забрала у Мэтью книги и переложила на стол. Там уже громоздились листки моих пометок вместе с распечаткой «Букваря Новой Англии», изданного в 1762 году. На экране ноутбука застыла страница исследования о сражении за форт Уильям-Генри.

– События того времени я знаю лишь в самых общих чертах. Основные источники – роман «Последний из могикан» и университетский курс по эпохе Просвещения.

– И ты думаешь, что какой-то атлас и заметки Кревкёра о жизни в Нью-Йорке тебе помогут? – недоверчиво спросил Мэтью.

– Это лишь начало. В противном случае мне не удастся вставить историю Маркуса в общее полотно тогдашних событий.

– Я думал, ты намеревалась помочь Маркусу справиться с его воспоминаниями, а не создавать фундаментальный труд по Америке восемнадцатого века.

– Мэтью, я же историк и по-другому не могу, – призналась я. – Я понимаю, насколько важны мелкие жизненные эпизоды. Но ведь Маркус жил в удивительное время. Нет ничего плохого, если я попытаюсь взглянуть на них сквозь призму его восприятия.

– Боюсь, тебя ждут огорчения. О важных исторических событиях Маркус помнит крайне мало, – предупредил меня Мэтью. – Когда началась война, он был еще подростком.

– Но ведь та война привела к Войне за независимость, – возразила я. – Неужели он ничего не помнит?

– А что помнишь ты о мировых событиях, когда сама была подростком? Скажем, о вторжении в Панаму? Или о первой войне в Персидском заливе? – Мэтью покачал головой. – Подозреваю, почти ничего.

– Я в тех конфликтах не участвовала. А Маркус участвовал. – (И Мэтью тоже, между прочим.) – погоди. Ты же писал Филиппу, когда находился в Америке с Лафайетом?

– Да, – настороженно ответил Мэтью.

– Как думаешь, эти письма находятся где-то здесь? В них могут содержаться подробности, которые выскользнули из памяти Маркуса.

Возможность познакомиться с первоисточниками еще больше подхлестнула мое исследовательское любопытство. Я специализировалась на более ранней эпохе и другой стране и всегда была далека от политической и военной истории. Но перспектива вновь превратиться в студентку действовала на меня возбуждающе. Это же непочатый край знаний!

– Могу поискать, но они, скорее всего, хранятся в Сет-Туре, вместе с хрониками братства. Я же находился в колониях по официальным делам.

Рыцари Лазаря, военно-благотворительная организация семьи де Клермон, встречали во все политические события, хотя Конгрегация строго запрещала вмешиваться в политическую и религиозную деятельность людей.

– Это граничит с фантастикой. Если письма здесь, ты найдешь их гораздо быстрее меня. – Взглянув на экран ноутбука, я закрыла крышку. – Падение форта Уильям-Генри было жутким потрясением. Должно быть, Обадия там такого насмотрелся, что потом страдал всю оставшуюся жизнь.

– Война всегда ужасна, но участь английской армии после ее ухода из форта была просто трагичной, – сказал Мэтью. – Солдаты и офицеры ничего не понимали. Отсюда множество недоразумений, подавленность и, как следствие, невыразимая жестокость.

Из описания тех событий я узнала, что американские индейцы, атаковавшие англичан вместе со своими сторонниками, рассчитывали вернуться домой с трофеями – холодным и огнестрельным оружием. Еще бы: это были символы их доблести. Однако французские союзники индейцев играли по другим правилам и позволили англичанам оставить мушкеты, если те сдадут боеприпасы. Не получив оружия, индейцы забрали себе другие трофеи: пленных. Сопротивлявшихся убивали на месте.

– И Обадия все это видел. Неудивительно, что он пристрастился к выпивке, – сказала я.

– Сражения не всегда заканчиваются лишь потому, что кто-то заключил мир. Для некоторых солдат война продолжается до конца жизни, влияя на все последующие события.

Мне вспомнился рассказ Маркуса о приспособлении для снятия сапог и испуганное выражение глаз, когда он говорил об отце. А ведь сейчас он был не тем пятилетним мальчишкой, боявшимся отцовского гнева. Да и речь шла о событиях более чем двухсотлетней давности.

– Обадия был одним из тех солдат?

– Думаю, да, – ответил Мэтью.

Тогда понятно, почему воспоминания Маркуса были такими перепутанными и злыми. Не красная дверь и не куст сирени вызывали у него душевную боль, а память об отцовской жестокости.

– Что касается целостной исторической картины, – продолжил Мэтью, беря меня за руку, – думаю, тебе придется провести еще немало раскопок, прежде чем ты поймешь, чем это было на самом деле, не говоря уже о значимости того или иного события.

– Когда мы путешествовали во времени, я поражалась, насколько реальная жизнь шестнадцатого века отличалась от исторических документов, – сказала я, вспомнив наши прошло-

годние странствия. – Тем не менее я вполне могу соотнести увиденное собственными глазами с тем, что уже знала. Наверное, то же самое я могла бы сделать и с историей Маркуса.

– Вспоминать прошлое – совсем не то же самое, что переместиться туда во времени, – заметил Мэтью.

– Конечно нет. Это совсем иной вид магии, – согласилась я.

Нужно будет проявлять предельную осторожность, прося Маркуса погружаться в его прежнюю жизнь.

Около полудня появились Сара с Агатой.

– Мы ждали вас ближе к вечеру. – Мэтью поцеловал сначала Сару, затем Агату.

– Диана сказала, что ситуация чрезвычайная, и потому Агата позвонила Болдуину, – пояснила Сара. – У него в Монако дежурит вертолет, который он и послал за нами.

– Сара, я не говорила, что ситуация чрезвычайная, – поправила я тетку.

– Но говорила, что дело очень серьезное. Главное, мы здесь... – Сара забрала от Мэтью Филиппа. – И что за переполох ты устроил, молодой человек? Что еще ты натворил?

Филипп протянул ей морковку, весело пролепетав:

– Лошадка.

– Не лошадка, а морковка, – поправила я.

Порой близнецы путали еду животных с названиями самих животных.

Бекка начисто забыла о лошадях. Она приветствовала Агату, запустив ручонки в ее волосы и восхищенно разглядывая вьющиеся локоны.

– Не теряй бдительности, – предупредила я Агату. – Иногда это чудо приходит в такой восторг, что может и за волосы дернуть. А ручки у нее сильнее, чем кажется.

– Я к этому привыкла, – отозвалась Агата. – Маргарет вечно пытается заплести мне косы и затягивает тугие узлы. Кстати, а где Маркус?

– У тебя за спиной! – воскликнул Маркус, приветственно обнимая Агату с Сарой. – Только не говорите, что явились наблюдать за мной.

– На этот раз нет, – засмеялась Сара. – Неужели такой большой мальчик нуждается в при-смотре?

– Вероятно, – весело ответил Маркус, хотя улыбался он с оттенком беспокойства.

– Что слышно из Парижа? – поинтересовалась Агата. – Как Фиби?

– Пока прекрасно, – ответил Маркус. – Но сегодня у нее важный день.

– Мириам начнет отлучать Фиби от своей крови, – пояснил Мэтью, желая несколько просветить ведьму и демоницу по части вампирской культуры.

Если все пройдет, как намечалось, сегодня Фиби впервые вкусит другой крови. До сих пор она питалась кровью своей создательницы.

– Ты преподносишь это так, будто Фиби – новорожденное дитя, – нахмурилась Сара.

– Представь себе, да.

– Мэтью, Фиби – взрослая женщина. Наверное, правильнее сказать: «Сегодня Фиби поэкспериментирует с новой едой». Или: «Фиби начинает новую диету», – предложила Сара.

Судя по выражению лица, Мэтью уже устал от непонимания теплокровных. А ведь Сара с Агатой только-только появились.

– Идемте в солярий, – предложила я, кивнув в сторону кухонной двери. – Марта приготовила изумительное песочное печенье. Пока Мэтью кормит близнецов, мы посидим и обменяемся новостями.

Как я и предполагала, кондитерский шедевр Марты обладал неодолимым притяжением. Агата с Сарой расселись на мягких стульях и принялись за угощение, запивая печенье чаем и кофе.

– И что такого серьезного у тебя приключилось? – спросила Сара, похрустывая печенюшкой.

– По-моему, Филипп соткал свое первое заклинание, – сказала я. – Слов его я не слышала, а потому с полной уверенностью сказать не могу. Зато видела, как он играл со временем.

– Не понимаю, Диана, с чего ты взяла, что я смогу тебе в этом помочь. – Сара в любой ситуации оставалась предельно искренней. – Мне не пришлось возиться с малышами: ни с обычными, ни с ведьминой породы. Вам с Мэтью придется самим выяснять, что к чему.

– Я думала, ты помнишь правила, которые в раннем детстве устанавливали мне родители, – подсказала я.

Сара задумалась:

– Ничего не помню.

– Неужели ты совсем ничего не помнишь о моем детстве?

Тревога за детей и раздражение делали мой тон непривычно резким.

– Очень мало. Я тогда жила в Мэдисоне с твоей бабушкой. Ты находилась в Кембридже. Далековато, чтобы просто заехать по пути. И потом, – Сара недовольно фыркнула, – Ребекка была не очень-то гостеприимной.

– Мама оберегала наш с папой секрет. Она не могла бы тебе соврать, – произнесла я, еще больше раздражаясь на критику в адрес матери.

Ведьмы чуяли вранье других ведьм с такой же легкостью, с какой собаки Мэтью вынюхивали оленей.

– Хорошо, а как бабушка растила вас с мамой?

– Она была поклонницей идей доктора Спока. Мамочка не особенно беспокоилась из-за наших проделок. Главное, чтобы мы дом не подожгли, – ответила Сара, но я хотела услышать совсем не это. – Диана, тебе незачем волноваться по поводу магических дарований твоих детей. – Сара пыталась меня успокоить. – Бишопы веками занимались магией. По-моему, ты должна только радоваться, что у детишек столь рано проклюнулись магические способности.

– Но Филипп и Бекка не просто потомство ведьмы, – возразила я. – Они Светлорожденные. В них есть и вампирская кровь.

– Вампирская кровь не является помехой магии, – возразила Сара, беря новую печенюшку. – Я до сих пор не понимаю, зачем тебе понадобилось портить нам отдых. Подумаешь, Филипп чуточку изогнул время. Уверена, никто от этого не пострадал.

– Сара, это же и так понятно, – встала на мою сторону Агата. – Диана забеспокоилась и решила, что, когда ты рядом, ей будет легче.

– Храни нас богиня от повторений! – Сара всплеснула руками, демонстрируя свое отчаяние. – Я-то думала, ты преодолела боязнь магии.

– Своей – возможно. Но это не избавляет меня от страхов за детей.

– Они же совсем крошки! – воскликнула Сара, будто возраст близнецов должен был автоматически погасить все мои тревоги. – У вас тут столько помещений и избыток мебели. Близнецы могут что-нибудь сломать. Ну и что?

– Что-нибудь сломать? – Мы с теткой явно не понимали друг друга. – Сломанная мебель меня не волнует. Я тревожусь за их безопасность. Меня пугает, что Филипп способен видеть время и дергать за нити, когда еще не умеет ходить по прямой. Я боюсь, что он может отправиться неведомо куда и мне будет его не найти. А еще я боюсь, что Бекка пойдет следом и окажется совсем в другом времени и месте. Я боюсь, что Сату Ярвинен или кто-нибудь из ее друзей узнают об этом и потребуют, чтобы ведьмы расследовали столь раннее проявление магии. Она будет рада отомстить мне за то, что зимой я лишила ее магических сил. А вдруг Герберт узнает, что Филипп и Бекка куда интереснее, чем он думал, и начнет следить за ними? Этого я тоже боюсь. – С каждым перечисляемым страхом мой голос звучал все громче, пока не перешел почти на крик. – И еще я жутко боюсь, что это только начало! – заорала я.

– Добро пожаловать в ряды родителей, – невозмутимо сказала Агата, протягивая мне печенюшку. – Съешь-ка лучше эту вкусняшку. Поверь, тебе сразу станет легче.

Я очень верила в могущество углеводов, но даже выпечка Марты не помогала разрешить мою дилемму.

Днем мы с близнецами играли на шерстяном одеяле под раскидистой ивой. Она росла в углу, где ров огибал Ле-Ревенан. Мы набрали прутиков, листьев, цветков и камешков и теперь выкладывали из них узоры на мягкой шерстяной поверхности.

Я с большим интересом следила, как Филипп выбирал предметы, руководствуясь их фактурой и формой, а Бекка сортировала свои сокровища по цвету. Даже в столь юном возрасте близнецы уже развивали свои «нравится» и «не нравится».

– Красный, – сказала я Бекке, указывая на яркий лист японского клена, росшего у нас во дворе в кадке, на плотно свернутый розовый бутон и веточку лобелии.

Она кивнула, наморщившись от усердия.

– А можешь найти еще что-нибудь красное? – спросила я.

На покрывале лежали красноватый камешек и цветок монарды темно-розового цвета, граничащего с малиновым.

Бекка протянула мне зеленый дубовый лист.

– Это зеленый, – сказала я, кладя лист рядом с розовым бутоном.

Бекка тут же передвинула его и начала собирать другую кучку.

Я смотрела на детей, играющих под синим небом. Ветер слегка шелестел листьями ивы. Трава под одеялом была как мягкая зеленая подушка. Будущее казалось мне менее мрачным, чем во время разговора с Сарой и Агатой. Я радовалась, что близнецы появились на свет в таком веке, когда игра считалась видом обучения. «Букварь Новой Англии», по которому учился Маркус, гораздо больше тяготел к контролю над личностью. Свободой там и не пахло.

Но я должна была помочь детям обрести равновесие, причем не только между беззаботной игрой и необходимой дисциплиной. В их крови хватало противоборствующих тенденций, которые требовали уравновешенности. Магия, конечно же, станет частью их жизни, однако я не хотела, чтобы близнецы росли, считая магию чем-то вроде бытовой техники, экономящей время и силы. Или, хуже того, – орудием мести и инструментом, дающим власть над другими. Мне хотелось, чтобы магия воспринималась ими наравне с повседневными моментами вроде этой игры под ивой.

Я взяла веточку ландыша. Его терпкий запах всегда напоминал мне о маме. Белые и бледно-розовые колокольчики казались кружевными чепчиками, под которыми пряталось чье-то улыбающееся лицо.

От дуновения ветерка цветки качались на тонких стебельках и как будто танцевали.

Я пошептала ветру, и раздался тихий звон колокольчиков. Это была простейшая магия стихий, настолько слабая, что она не потревожила более сильную магию, которая проникла в меня вместе с «Книгой Жизни».

Филипп поднял голову. Магический звук целиком завладел его вниманием.

Я подула на цветки, и звон колокольчиков усилился.

– Мама, еще! – попросила Бекка, хлопая в ладоши.

– Твоя очередь, – сказала я, держа веточку между нашими губами.

Бекка поднатужилась и дунула что есть силы. Я засмеялась. Колокольчики зазвучали еще громче.

– Я! Я! – Филипп потянулся к цветкам, но я подняла веточку выше.

На этот раз ландыш испытал на себе магическое воздействие двух ведьм и одного ведьмака. Его цветки издавали настоящий колокольный перезвон.

Чтобы не смущать местных жителей и не заставлять их теряться в догадках, почему они слышат церковные колокола на таком расстоянии от города, я воткнула ветку ландыша в землю.

– Floreto, – сказала я, посыпав вокруг нее землей.

Цветки стали крупнее и потянулись вверх. Внутри каждого колокольчика из бледно-зеленых тычинок появилось подобие глаз и рта, а пестик превратился в нос.

Дети были зачарованы зрелищем. Раскрыв рты, они смотрели на цветочных человечков, машущих им листьями. Бекка махала в ответ.

Вид у подошедшего Мэтью был встревоженный, но, когда он увидел машущий ландыш, на лице появилось изумление, а потом и гордость.

– Мне показалось, что где-то пахнет магией, – произнес Мэтью, присаживаясь на одеяло.

– Тебе не показалось.

Стебель начал вянуть. Я решила, что ландышу пора отвесить прощальный поклон, а мне – завершить это импровизированное магическое представление.

Мэтью и дети восторженно захлопали. Занятия магией редко вызывали у меня смех, но сейчас я смеялась.

Филипп вернулся к своим камешкам и бархатным розам, а Бекка продолжила собирать зеленые предметы, ходя по густой траве на своих еще не слишком твердых ножках. Зрелище, устроенное мной, не вызвало у близнецов ни капли страха. Родительские тревоги были им неведомы.

– Ты сделала большой шаг, – произнес Мэтью, притягивая меня к себе.

– Их занятия магией всегда будут меня тревожить, – сказала я, удобно устраиваясь в объятиях мужа и продолжая наблюдать за игрой близнецов.

– Разумеется, будут. И я буду тревожиться всякий раз, когда они погонятся за оленем. – Мэтью прижался губами к моим. – Служить достойным образцом поведения для собственных детей – одна из родительских обязанностей. Сегодня ты это сделала.

– Я лишь надеюсь, что Бекка немного обождет, а не ринется вслед за братом произносить заклинания и играть со временем. Пока моих сил хватает только на одного колдуна.

– Сомневаюсь, что ожидание Бекки затянется, – сказал Мэтью, глядя, как наша дочь сосредоточенно шлет воздушные поцелуи розовому бутону.

– Я не хочу заранее думать о неприятностях. С тех пор как Филипп посадил Катберта в миску с собачьей едой, близнецы не наделали никаких новых бед. Представляешь? Почти за шесть часов. Жаль, нельзя заморозить это мгновение и сохранить навсегда. – Я посмотрела на белые облачка, плывущие по синему небу, которое манило меня.

– Ты можешь сохранить это мгновение в своей памяти, – предложил Мэтью.

Приятно было думать, что Филипп и Бекка лет этак через сто вспомнят, как однажды их мать устроила магическое представление без всякой причины. Просто потому, что могла, потому, что стоял прекрасный майский день и в нем было место радости и удивлению.

– Я хочу, чтобы родительская ноша всегда была такой простой, – вздохнула я.

– И я тоже хочу, *mon œuf*, – засмеялся Мэтью. – Тоже.

– Постой. Ты просто взяла и оживила ландыш на глазах у близнецов? – засмеялась Сара. – Без предупреждения? Без правил? Просто «пуфф» – и все?

Мы сидели за длинным столом в кухне, поближе к уютному теплу плиты. Дни календаря, посвященные *le saints de glace*⁴, официально закончились еще вчера, и в этой части света должна была начаться весна. Однако святых Мамертуса, Панкраса и Серватия забыли уведомить об этом, и в вечернем воздухе еще ощущалось морозное дыхание. В центре стола стояла ваза с ландышами, напоминая о скором наступлении теплой погоды.

⁴ Ледяные святые (*фр.*).

– Никаких «пуфф» я не произносила, – ответила я тетке. – Я использовала латинский глагол, означающий «цвети». Теперь до меня начинает доходить, почему столько заклинаний написано на древних языках. Это сделано специально, чтобы детям было труднее их произносить.

– Дети были зачарованы во всех смыслах этого слова, – добавил Мэтью с улыбкой, редкой улыбкой, идущей прямо из сердца, и поцеловал мне руку.

– Значит, ты решила избавиться от иллюзии контроля? – кивнула Агата. – Правильно сделала.

– Это не совсем так, – торопливо возразила я. – Мы с Мэтью уже давно решили, что не станем скрывать от детей, кто их отец и мать. Не хочу, чтобы они узнали о магии из телепередач и фильмов.

– Богиня упаси! – передернула плечами Сара. – Все эти волшебные палочки.

– Меня больше настораживает, что во всех этих фильмах и сериалах магию представляют как способ быстренько сделать монотонную или трудоемкую работу, – сказала я.

Я выросла на повторных показах сериала «Моя жена меня приворожила». И хотя моя высокоученая мать, не желая отрываться от подготовки к лекциям, иногда произносила заклинание, заставлявшее выстиранное белье складываться в аккуратную стопку, такое случалось далеко не каждый день.

– Мы установим четкие правила, касающиеся применения магии, и близнецы, будем надеяться, столь же четко их усвоят. – Довольная своими словами, я глотнула вина и потянулась к блюду с овощами, стоящему в центре стола.

– Чем меньше правил, тем лучше, – заявил Маркус. Он следил за игрой пламени свечей и каждые пять минут вытаскивал мобильник, проверяя, нет ли эсэмэсок из Парижа. – В моем детстве было столько правил, что я и шагу не могу ступить, чтобы не наткнуться на какое-нибудь из них. Существовали правила относительно хождения в церковь и воздержания от бранных слов. Правила послушания отцу, старшим в семье и тем, кто выше тебя по социальной лестнице. Правила, как надлежит есть и говорить, как здороваться с людьми на улице, правила обращения с женщинами... над ними вообще нужно было трястись, словно это чашки из тончайшего фарфора. Самое смешное, обращение с животными тоже имели правила. Правила предписывали, когда сеять и когда жать. Естественно, правила предписывали делать запасы на зиму, чтобы не голодать. – (Я наострила уши, ожидая услышать нечто интересное.) – Правила способны научить слепому повиновению, но они не дают настоящей защиты от превратностей мира. В один прекрасный день ты так сильно ударишься о правило, что сломаешь его, и тогда окажешься лицом к лицу с бедами и опасностями. Я в этом убедился, когда в тысяча семьсот семьдесят пятом году сбежал из Хедли, чтобы участвовать в первом бостонском сражении.

– Ты был в Лексингтоне и Конкорде? – спросила я.

Памфлет «Здравый смысл» подсказывал, что Маркус с ранних лет был патриотом. Неудивительно, что, едва прозвучали первые выстрелы войны, он откликнулся на призыв встать в ряды защитников.

– Нет. В апреле я еще подчинялся отцовским правилам. Он запретил мне идти на войну, – ответил Маркус. – Я сбежал в июне.

Мэтью подбросил над столом бесформенный кусок металла: темный и кое-где обожженный. Маркус его поймал.

– Мушкетное ядро. Причем старое. Где ты его нашел? – спросил Маркус, удивленно глядя на отца.

– В библиотеке, среди книг и бумаг Филиппа. Я искал нечто другое и наткнулся на письмо от Галлогласа.

Мэтью полез в карман джинсов и вынул сложенный лист плотной бумаги. Торопливые строчки на внешней стороне прыгали вверх и вниз, будто волны.

Мы редко говорили о рослом шотландце, исчезнувшем более года назад. Я скучала по его бесхитроственному обаянию и несколько циничному чувству юмора, но понимала причину его исчезновения. Ему было бы трудно влиться в нашу семью сейчас и наблюдать, как мы с Мэтью растим детей. Галлоглас знал, что его чувства ко мне останутся без ответа, однако до тех пор, пока мы с Мэтью не вернулись из XVI века в наше время, он усердно выполнял поручение, данное Филиппом: заботиться о моей безопасности.

– А я и не знал, что в мои мальчишеские годы Галлоглас находился в Новой Англии, – сказал Маркус.

– Его туда послал Филипп с определенным заданием. – Мэтью передал сыну письмо.

– «Досточтимый дед! – принялся читать вслух Маркус. – Нынче утром я был в Старой Южной церкви, где доктор Уоррен выступал с речью по поводу пятой годовщины бойни в Бостоне. В зале было не протолкнуться, а сам доктор облачился в белую тогу на манер римлянина. „Сыны свободы“ горячо приветствовали этот спектакль...» – Маркус прервал чтение и улыбнулся. – Помню, как в Нортгемптоне люди горячо обсуждали речь доктора Уоррена. Тогда мы еще думали, что та бойня явилась низшей точкой в наших скверных отношениях с английским королем. Мы еще надеялись на возможность подлатать эти отношения. Нам и в голову не приходило, что нас ожидает полный разрыв с Англией.

Наконец-то речь зашла об исторических событиях, отталкиваясь от которых я смогу упорядочить рассказ Маркуса о его жизни.

– Можно взглянуть? – попросила я, горя желанием самой увидеть письмо Галлогласа, и Маркус неохотно передал мне письмо. – «...многочисленные звенья больших и малых событий образуют цепь, на которой держится судьба королей и народов...», – прочла я строчку из письма.

Это напомнило мне слова Мэтью о вампирской памяти, которая цепко сохраняет самые заурядные события. Потом я вспомнила свои игры с близнецами. Наверное, я посадила семена их будущих воспоминаний.

– Кто бы мог подумать, что пройдет чуть больше месяца после этого письма Галлогласа и в городишке близ Бостона на мосту прозвучит выстрел, – вновь заговорил Маркус; казалось, он размышляет вслух. – Эмерсон назвал его выстрелом, слышимым во всем мире. День, когда мы решили, что больше не хотим выносить скотское обращение короля Георга с жителями американских колоний, начался как обычный апрельский день. Я возвращался домой из Нортгемптона. Весна выдалась теплая. Земля успела оттаять. Но в тот день подул холодный ветер с востока. – Сейчас Маркус вряд ли видел окружающих. Его голос звучал почти отрешенно. Он вспоминал события далекого прошлого. – И вместе с ветром появился всадник.

Ле-Ревенан. Письма и бумаги Конфедеративных Штатов Америки

№ 1

Галлоглас – Филиппу де Клермону

Кембридж, Массачусетс

6 марта 1775 года

Досточтимый дед!

Нынче утром я был в Старой Южной церкви, где доктор Уоррен выступал с речью по поводу пятой годовщины бойни в Бостоне. В зале было не протолкнуться, а сам доктор облачился в белую тогу на манер римлянина. «Сыны свободы» горячо приветствовали этот спектакль.

Доктор Уоррен взбудоражил собравшихся упоминанием о его стране, истекающей кровью, и призывами встать против власти тирана. По его словам, чтобы избежать войны, английская армия должна уйти из Бостона.

Достаточно будет искры, чтобы вспыхнул мятеж. «Близорукие смертные не видят, что многочисленные звенья больших и малых событий образуют цепь, на которой держится судьба королей и народов», – сказал доктор Уоррен. Я сразу же записал его слова, поразившие меня своей мудростью.

Это письмо я вручил Дэви Хэнкоку, который позаботится о его надежной и быстрой доставке. Я же вернулся в Кембридж для выполнения других твоих поручений. Жду твоих пожеланий, касающихся «Сынов свободы», но предвижу: твой ответ запоздает, и я уже не смогу изменить того, что нынче кажется неминуемым. Дуб и плющ вместе не станут сильнее, но будут отброшены в разные стороны.

*Написано в спешке в городе Кембридже твоим верным слугой
Эриком.*

Постскриптум: К письму прилагаю любопытную вещицу, отданную мне на память одним из «Сынов свободы». По его словам, это осколок мушкетного ядра, выпущенного англичанами по дому на Кинг-стрит, когда в 1770 году произошло нападение на жителей. Слушатели речи доктора Уоррена рассказывали множество историй о том жутком дне, что еще сильнее разожгло страсти жаждущих свободы.

Глава 9

Корона

Апрель – июнь 1775 года

Стараясь не уронить ведро с рыбой, Маркус открыл дверь хирургического кабинета Томаса Бакленда. Бакленд жил в Нортгемптоне и был одним из немногих врачей, обитавших к западу от Вустера. Он не входил в число преуспевающих медиков и не отличался большой образованностью, но если кто-то хотел нанести визит врачу и уйти на своих ногах, то прием у Бакленда был наиболее безопасным выбором. Металлический колокольчик у двери весело звякнул, возвещая о приходе Маркуса.

Жена хирурга трудилась в приемной, где на чистом полотенце сверкали разложенные инструменты Бакленда: хирургические щипцы, щипцы для выдирания зубов и приспособления для прижигания ран. На полках стояли банки с лекарственными травами, разными снадобьями и мазями. Окна кабинета выходили на главную улицу Нортгемптона, и потому каждый любопытный прохожий мог не только слышать крики, но и видеть, как Бакленд соединяет сломанные кости, заглядывает во рты и уши пациентов, дергает зубы и разглядывает больные конечности.

– Что занесло тебя к нам, Маркус Макнил? – спросила Мерси Бакленд, поднимая голову от глиняного горшочка, который наполняла мазью.

– Да вот, хотел обменять рыбу на горшочек такого же снадобья, как то, что месяц назад вы давали моей матери. – Маркус поднял ведро. – Это шед⁵. Свеженький. Недавно поймал у водопада к югу от Хедли.

– Отец знает, куда ты пошел? – поинтересовалась миссис Бакленд.

Несколько месяцев назад она стала свидетельницей вспышки гнева Обадии, заставшего сына за разговором с Томом. Маркуса интересовал рецепт мази от ран и синяков. После этого отец запретил ему ходить в Нортгемптон за лекарствами. Зачем куда-то шляться, когда в Хедли есть свой врач? И пусть тот был вдвое хуже Бакленда и брал вдвое дороже, но почтенный возраст и пристрастие к выпивке делали местного доктора менее любопытным по части семейных дел Макнилов.

– Напрасно спрашиваешь, Мерси. Маркус не ответит. Он теперь стал немногословным, – сказал вышедший из соседней комнаты Том Бакленд; его лысина блестела на весеннем солнце. – Должен признаться, я тоскую по мальчишке, у которого рот не закрывался.

Маркус чувствовал на себе внимательный взгляд миссис Бакленд. Конечно же, она видела и его тощие руки, и веревку, которой подвязаны штаны, болтающиеся на тонкой талии. Видела она и заплатки на сине-белой клетчатой рубашке из грубой ткани. Младшая сестра Пейшенс сама ткала эту ткань из льна, росшего в огороде Макнилов.

– Есть новости из Бостона? – спросил Маркус, попытавшись сменить тему разговора.

– «Сыны свободы» собираются выступить против «красных мундиров», – ответил Том. Надев очки, он осматривал полки, ища нужное снадобье. – Речь доктора Уоррена воспламенила всех. Проезжий из Спрингфилда говорил, что надо ждать новых бед. Будем надеяться, с Божьей помощью до бойни не дойдет.

– У водопадов я слышал то же самое, – ответил Маркус.

Это был обычный способ распространения новостей между городишками вроде Хедли и Нортгемптона. Каждый день – своя порция слухов и домыслов.

– Возьми для матери. – Том Бакленд вручил Маркусу пакет.

⁵ Разновидность сельди.

– Спасибо, доктор Бакленд. – Маркус поставил ведро на прилавок. – А это вам. Устройте себе прекрасный обед.

– Нет, Маркус. Это слишком много, – возразила Мерси. – Нам с Томасом хватит и половины. Остальное отнеси домой. Я и так за зиму дважды перешивала пуговицы на штанах мужа. Маркус решительно замотал головой:

– Спасибо, доктор. И вам спасибо, миссис Бакленд. Берите рыбу целиком. А мне пора домой.

Том бросил ему глиняный горшочек:

– Это мазь за вторую половину рыбы. Мы не любим быть должниками. Можешь смазать синяк под глазом.

Надо же, заметил. Маркус думал, что пятно на скуле уже достаточно потускнело и он сможет побывать в Нортгемптоне, не вызвав ничьих сплетен. Однако Том отличался наблюдательностью.

– Я тут наступил на грабли. Их ручка и заехала мне по физиономии. Вы же знаете, доктор Бакленд, какой я неуклюжий. – Маркус открыл дверь. – Спасибо за настойку, – сказал он и торопливо простился с Баклендами, приподняв изъеденную молью шляпу.

Через реку Маркус переправлялся не на пароме, а на позаимствованном шатком плоту. Вскоре он уже шагал по дороге к дому, обходя многочисленные лужи. Сзади послышался топот копыт, и всадник, мчавшийся в сторону Хедли, едва не сбил Маркуса.

– Что случилось? – спросил Маркус.

Он схватился за поводья, безуспешно пытаясь остановить лошадь.

– В Лексингтоне у нашего ополчения была стычка с англичанами. Пролилась кровь, – крикнул в ответ тяжело дышащий всадник, вырвал у Маркуса поводья и помчался дальше, держа путь к церкви.

Остаток дороги до фермы Макнилов Маркус уже не шел, а бежал. Чтобы примкнуть к ополчению и двигаться на восток, ему необходимо ружье и запас еды. Он проскользнул сквозь мокрую траву, росшую перед воротами. Рассерженную гусыню Маркус заметил лишь тогда, когда та вцепилась в его штаны.

– Чертова птица! – шепотом выругался Маркус.

Если бы не яйца, которые несла гусыня, он бы давно свернул ей шею.

Маркус толкнул входную дверь, красная краска на которой успела потускнеть и облупиться. Старая вдова Ноубл говорила, что трещина в верхней филенке – след от набега индейцев, случившегося еще в прошлом веке. Эта старуха верила в ведьм, призраков и всадников без головы. Внутри дома было тихо, если не считать размеренного тиканья старых материнских часов на полке над очагом в гостиной.

Помимо гостиной, на первом этаже дома Макнилов была только кухня. Оттуда и выбежала Кэтрин Макнил, вытирая руки ветхим полотенцем:

– Я слышала колокол.

Лицо матери было бледным. Под глазами темнели круги от недосыпания. Дела на ферме шли скверно. Отец вечно где-то пьянствовал с друзьями, а зима в этом году выдалась долгая и суровая.

– В Лексингтоне армия атаковала горожан, – ответил Маркус. – Там собирают ополчение.

– Бостону ничего не грозит?

Для Кэтрин город ее детства был центром мира. Все более или менее значительное и достойное происходило не где-нибудь, а именно в Бостоне.

Однако в тот момент Маркуса не особо заботили угрозы безопасности Бостона. Угроз хватало и в пределах родных стен.

– Где па? – спросил Маркус.

– В Амхерсте. Отправился навестить родственничка Джосайю. – Мать плотно сжала губы. – Оттуда он вернется не скоро.

Порой Обадия отсутствовал по нескольку дней, возвращаясь в порванной одежде, с синяками и царапинами. Костяшки отцовских пальцев были содраны в кровь, а от самого разило ромом. Если Маркусу повезет, он сумеет побывать в Лексингтоне и вернуться раньше, чем отец протрезвеет и заметит исчезновение сына.

Маркус прошел в гостиную и снял с крюков над очагом старый мушкетон.

– Это оружие твоего деда по отцовской линии, – сказала Кэтрин. – С ним он приплыл из Ирландии.

– Помню, – ответил Маркус, водя пальцами по старому деревянному ложу мушкетона.

Дед Макнил рассказывал ему о приключениях, связанных с этим ружьем. Однажды, когда семье было нечего есть, дед подстрелил оленя. А потом нередко брал мушкетон, отправляясь охотиться на волков. В те времена Пэлхем и Амхерст были маленькими деревушками.

– Что я скажу отцу, когда он вернется? – с тревогой спросила мать. – Ты же знаешь, как его страшит опасность новой войны.

На прошлой войне Обадия воевал против французов. Тогда он был сильным и храбрым, цвет местного ополчения. Родители Маркуса недавно поженились, и у Обадии были большие планы по расширению купленной им фермы. Во всяком случае, так это звучало в воспоминаниях Кэтрин. Однако с войны Обадия вернулся ослабленный телом и сокрушенный духом, раздражаемый противоречиями между верностью королю и верностью семье и согражданам.

С одной стороны, Обадия искренне верил в святость английской монархии и в любовь короля к подданным по обе стороны океана. Однако на границе он насмотрелся достаточно ужасов, заставивших его усомниться в том, что Англия принимает близко к сердцу насущные заботы своих колоний. Подобно большинству ополченцев, сражавшихся на войне, Обадия не слишком-то восхищался английской армией. Он считал, что офицеры сознательно ставят его и таких, как он, под удар, слепо подчиняясь приказам из Лондона. Запаздывая на недели, а то и на месяцы, эти приказы теряли всякий смысл.

Обадия так и не мог решить, на чьей он стороне. Эти метания, усугубленные кошмарными снами, в которых он продолжал воевать, развили у него пристрастие к спиртному, еще больше затуманив сознание. Обадия не знал, законна или нет нынешняя борьба американских колонистов с королем. Неразрешимая загадка медленно сводила его с ума.

– Скажи отцу, что ты меня не видела. Вернулась из курятника. Смотришь – мушкетона на стене нет.

Маркус не хотел, чтобы мать и сестра отдувались за его своеволие.

– Твой отец не дурак, – вздохнула мать. – Он ведь тоже слышал колокола.

Колокола и сейчас звонили: в Хедли, в Нортгемптоне и, быть может, в каждой церкви Массачусетса.

– Ты и глазом не успеешь моргнуть, как я вернусь, – заверил мать Маркус.

Поцеловав ее в щеку, он повесил на плечо мушкетон и направился в город.

Джошуа Бостона и Зеба Пруитта он встретил на кладбище, где Зеба наняли копать могилу. Вокруг кладбища росли высокие деревья. Из земли косо торчали замшелые камни надгробий, выщербленные природными стихиями.

– Привет, Маркус! – крикнул Джошуа. – Решил примкнуть к сражению?

– Вроде того, – уклончиво ответил Маркус. – Хватит королю Георгу обращаться с нами, как с малыми детьми. Свобода – прирожденное право английских подданных. Никому не позволено отнимать у нас это право, и мы не должны отстаивать его с оружием в руках.

– Или умирать за него, – пробормотал Зеб.

– Ты хотел сказать, убивать за это право? – нахмурился Маркус.

– Я сказал то, что хотел сказать, – торопливо ответил Зеб. – Если человек волеет в себя достаточно рома или кто-нибудь сумеет разжечь у него в сердце страх и ненависть, он будет убивать быстро и без особых раздумий. Но этот человек сбежит с поля боя при первой же возможности, если душой и телом разуверится в том, за что воюет.

– Прежде чем примыкать к ополчению и отправляться в Лексингтон, советую тебе крепко подумать насчет собственного патриотизма, – сказал Джошуа.

– Теперь уже поздно. – Зеб сощурился, глядя на дорогу. – Сюда идут мистер Макнил с Джосаей.

– Маркус? – Обадия остановился посреди дороги, глядя на сына налитыми кровью глазами. – Куда это ты собрался, паршивец, да еще с моим мушкетеном?

Мушкетон не принадлежал Обадии, но Маркус сознавал: сейчас неподходящее время для споров.

– Я задал тебе вопрос.

Обадия приближался. Шаги его, хотя и нетвердые, были достаточно угрожающими.

– В город. Там собирают ополчение, – ответил Маркус, не собираясь отступить.

– Ты не пойдешь воевать против своего короля! – заявил Обадия, хватая мушкетон. – Сражаться против монарха есть нарушение священного порядка, установленного Богом. И потом, ты еще малец.

– Мне восемнадцать, – напомнил Маркус.

– Считаю лучше и не ври мне. – Обадия прищурился и плотно сомкнул губы.

Обычно в такие моменты Маркус капитулировал, готовый уступить, чтобы только мать не вмешивалась и не оказывалась между мужем и сыном.

Но сегодня, когда слова Зеба и Джошуа еще звенели в его ушах, Маркус чувствовал: он должен отстоять свою позицию. Доказать себе самому, отцу и своим друзьям, что он не трус. Маркус расправил плечи, готовый к поединку с отцом.

Отец влепил ему обжигающую пощечину, за которой последовала другая. Мужчин так не били. Так били женщину или ребенка. Даже в гневе Обадия решил напомнить Маркусу свое место.

Обадия вырвал оружие из рук Маркуса.

– Возвращайся домой, к своей ма, – пренебрежительно бросил Обадия. – Чтоб к моему возвращению был там! А я сейчас потолкую с Зебом и Джошуа.

Вернувшись на ферму, отец непременно его поколотит. Судя по выражению отцовских глаз, трепку получат и Зеб с Джошуа.

– Они тут ни при чем, – сказал Маркус, чьи щеки пылали после отцовских ударов.

– Хватит пререкаться, щенок! – рявкнул Обадия.

Джошуа чуть заметно кивнул в направлении фермы, молчаливо предлагая Маркусу уйти, прежде чем дела примут совсем скверный оборот.

И Маркус повернулся спиной к друзьям, войне и отцу, двинувшись домой.

Плетясь на ферму, Маркус пообещал себе, что сегодня отец помыкал им в последний раз.

В июне Маркус выполнил обещанное и сбежал в Бостон. После лексингтонского инцидента отец еще несколько раз его избивал. Вспышку отцовского гнева обычно вызывал какой-нибудь пустяковый и вполне безобидный вопрос Маркуса: например, нужно ли доить коров или не пора ли заняться высыхающим колодцем. Обадия воспринимал вопросы сына как новые знаки неповиновения.

С каждым ударом, наносимым сложенными кожаными поводьями, Обадия становился спокойнее, его глаза делались менее безумными, а слова – менее гневными. Маркус уже давно научился не плакать и не кричать во время порки. Он терпел, даже когда ноги покрывались жуткими рубцами. Слезы подстегивали решимость Обадии изгонять из Маркуса засевших

демонов. Порка продолжалась, пока Маркус не сваливался от боли. Тогда Обадия отправлялся странствовать по тавернам, пока тоже не сваливался и не засыпал пьяным сном.

После одной из таких порок, пока Обадия заливал выпивкой свои горести, Маркус наполнил ведерко съестными припасами, добавив к ним семейный альманах, в котором были перечислены городки на пути к Бостону, что позволяло отмечать пройденное расстояние. Закончив сборы, Маркус зашагал на восток.

К тому времени, когда он достиг Кембриджа, Гарвардский двор напоминал потревоженное осиное гнездо. Из колледжа удалили всех студентов. Помещение заняли ополченцы, собравшиеся со всей Новой Англии. Когда в аудиториях и коридорах уже не осталось места, ополченцы начали ставить палатки где придется, не принимая в расчет соседство других палаток, мощные улицы, фонарные столбы и сточные канавы. В результате получился лагерь, не имеющий даже отдаленного сходства с военным. Узкие проходы напоминали трещины на стенках старой посуды. Вдоль этих кривых тропок хлопали на ветру парусиновые и холщовые палатки.

Чем дальше пробирался Маркус по этому палаточному городку, тем громче становился общий гул, который теперь вполне мог соперничать с залпами английской артиллерии. Полковые музыканты пробуждали боевой дух неопытных солдат и ритмично били в барабаны. Лаяли собаки, ржали лошади, откуда-то доносились резкие крики мулов. Ополченцы, собравшиеся здесь отовсюду, начиная с Нью-Хейвена на юге и кончая Портсмутом на севере, при малейшем подозрении хватались за оружие и стреляли; иногда намеренно, но куда чаще просто так.

Учуяв запах подгоревшего кофе и жареного мяса, Маркус пошел в том направлении, надеясь раздобыть еды, как вдруг увидел знакомое лицо. Он вполголоса выругался. Такая встреча не сулила ничего хорошего.

В него впились прозорливые глаза Сета Помроя: темные, глубоко посаженные над выступающими скулами и острым носом. Суровое выражение лица оружейника из Нортгемптона подсказывало, что с этим человеком лучше не связываться.

– Макнил, а где твоё оружие? – спросил Помрой, окутывая Маркуса зловонным дыханием.

Во рту оружейника гнил передний зуб. Когда Помрой сердился, зуб качался. Том Бакленд хотел вырвать зуб, однако Сет стойко этому противился, и потому зуб остался гнить на своем месте.

– Дома осталось, – ответил Маркус.

Помрой бросил ему один из своих мушкетов, который был намного лучше старого дедовского мушкетона.

– А отец знает, что ты здесь? – поинтересовался Помрой.

Как и миссис Бакленд, Помрою было известно, что Обадия железной рукой управляет своими домочадцами. Все делалось только по его разрешению. Своеволие жестоко пресекалось. Маркус как никто другой прочувствовал это на своей шкуре.

– Нет, – ответил Маркус, стараясь не говорить ни одного лишнего слова.

– Обадии не понравится, когда он узнает, – сказал Помрой.

– И что он сделает? Лишит меня наследства? – усмехнулся Маркус.

То, что у семьи Макнил нет ни пенни за душой, было известно всем.

– А мать знает? – Помрой сурово посмотрел на Маркуса.

Вместо ответа Маркус отвел глаза. Ему очень не хотелось, чтобы мать страдала из-за его решения. Во время его последней стычки с отцом мать попыталась вмешаться и успокоить обоих. Отец попросту оттолкнул ее, она упала и повредила руку. Рука болела до сих пор, невзирая на мазь Тома Бакленда и усилия врача в Хедли.

– В ближайшие дни, Маркус Макнил, ты обязательно встретишь тех, кто научит тебя подчиняться приказам и не своевольничать, – пообещал Помрой. – Но сегодня другой день. Ты лучший стрелок в Гэмпшире, а мне нужен каждый, умеющий стрелять.

Маркус примкнул к цепи новобранцев, встав рядом с долговязым парнем – на вид, его ровесником. Тот был одет в красно-белую клетчатую рубашку и темно-синие штаны, выдавшие лучшие времена.

– Ты откуда будешь? – спросил парень, когда объявили короткий привал.

– С запада, – ответил Маркус, не желая называть точное место.

– Тогда мы с тобой оба деревенщины, – усмехнулся парень. – Меня зовут Аарон Лайон. Рядовой полковника Вудбриджа. Бостонские парни насмеются над всеми, кто живет к западу от Вустера. Меня уже столько раз обзывали «янки», что я и со счета сбился. А тебя как звать?

– Маркус Макнил.

– С кем ты здесь, Маркус? – задал новый вопрос Аарон, роясь в сумке на поясе.

– С ним, – ответил Маркус, указав на Помроя.

– Кого ни послушаешь, все называют Помроя лучшим оружейником в Массачусетсе. – Лайон выудил горсть сушеных яблочных ломтиков, предложив их Маркусу. – Прошлогодние. Из нашего сада в Эшфилде. Вкуснее не пробовал.

Маркус проглотил сушеные яблоки, поблагодарив Аарона.

Все разговоры смолкли, когда ополченцы достигли узкого перешейка, соединявшего Кембридж с Чарльзтауном. Только здесь необстрелянные солдаты воочию увидели, что их ожидает. Аарон даже присвистнул, глядя на дым, поднимающийся над Бридс-Хиллом и Банкер-Хиллом.

Ополченцы остановились. Сет Помрой вступил в разговор с полным человеком, сидевшим на лошади. Он был в напудренном парике и треуголке. Парик и шляпа кренились в разные стороны, обнажая лысеющую голову. Маркус сразу же узнал профиль доктора Вудбриджа из Саут-Хедли.

– Похоже, вы присоединяетесь к нам, – сказал Аарон, следя за разговором между Помроем и Вудбриджем.

Вудбридж медленно поехал вдоль строя, оглядывая новобранцев.

– Макнил, никак ты? – сощурился полковник. – Точно. Отправишься с Помроем. Если ты смог у меня на лугу всадить дробь индюшке в глаз, в «красный мундир» всяко попадешь. И ты тоже, Лайон.

– Да, сэр! – залихватски ответил Лайон.

Слова с присвистом вылетали у него изо рта, где недоставало передних зубов. Рот Лайона чем-то напоминал забор старой мадам Портер.

Маркус почувствовал себя увереннее. Он пошире расставил ноги и, поигрывая мушкетом, спросил полковника:

– Куда мы направляемся?

– В армии вопросов не задают, – ответил Вудбридж.

– В армии? – Маркус наострил уши, ловя новые сведения. – Я сражаюсь за Массачусетс в составе ополчения.

– Так знай, Макнил, конгресс в своей мудрости решил: тринадцать колониальных ополчений – это чересчур. Отныне мы одна веселая Континентальная армия. Некий джентльмен из Виргинии – высокого роста и ладный наездник – направляется сюда из Филадельфии, чтобы руководить военными делами. – Вудбридж плюнул на землю, выражая одинаковое недовольство южными землевладельцами, высокими мужчинами, наездниками и городским населением. – Делай, что тебе велят, иначе отправишься обратно в свой Хедли.

Маркус подошел к оружейнику из Нортгемптона, собравшему вокруг себя пеструю толпу новобранцев.

– Боеприпасов у нас мало, – говорил Помрой, раздавая кожаные мешочки. – А потому никакой стрельбы по мишеням, если только эта мишень не движется на двух ногах и не одета в английский мундир.

– Капитан, в чем состоит наша миссия? – спросил высокий человек в куртке из оленьей кожи, подбрасывая на ладони мешочек.

У него были волосы песочного цвета и зоркие, как у волка, глаза.

– Освобождение полковника Прескотта на Бридс-Хилле. Он там зажат со всех сторон, – ответил Помрой.

Послышались разочарованные возгласы. Большинство ополченцев, как и Маркус, хотели сражаться с английской армией, а не помогать своим же колонистам, вляпавшимся в беду.

Люди Помроя молча двинулись дальше. От выстрелов английских пушек сотрясались окрестные здания. Королевская армия пыталась уничтожить перешеек, по которому двигались ополченцы, и отрезать Чарльзтаун от Кембриджа. Земля под ногами Маркуса ходила ходуном. Только интуиция помогала ему удерживать ритм движения.

– Даже шлюхи покинули Чарльзтаун, когда поняли, что сюда надвигается.

То, что сюда надвигалось, походило на конец света. Маркус пришел к такому заключению, увидев число английских кораблей на реке Чарльз. Пушки стреляли не переставая. Ядра летели над водой. В воздухе висели густые клубы дыма.

Когда же Маркус заметил вдалеке десятки солдат в красных мундирах, проворно шагавших в сторону ополченцев, ему показалось, что он вот-вот наложит полные штаны.

Ополченцы Помроя наконец-то соединились с другими отрядами колонистов. К удивлению Маркуса, кое-кто из солдат был даже моложе его. Например, веснушчатый Джимми Хатчинсон из Сейлема. Ровесников Помроя можно было пересчитать по пальцам. Но в основном это были мужчины примерно одних лет с Обадием, включая и Джона Старка из Нью-Гэмпшира, капитана с вытянутым острым лицом, чьим приказам теперь подчинялся Маркус.

– Старк – один из первых рейнджеров, – шепнул Маркусу Джимми.

Оба, скрючившись, прятались за наспех сооруженным защитным валом. Маркус слышал о рейнджерах Роджерса: легендарно зорких и хладнокровных людях. Их длинноствольные винтовки били гораздо дальше и точнее, чем мушкеты собравшихся ополченцев.

– Еще одно слово, парень, – и я втолкну тебе в глотку кляп! – Старк бесшумно, словно змея, подполз к передовой линии, держа в руке красный флаг с зеленой сосной посередине. – А ты кто такой будешь? – спросил капитан, впиваясь глазами в Маркуса.

– Маркус Макнил. – Маркус едва подавил желание вскочить и встать по стойке смирно. – Из Хедли.

– Значит, это про тебя Помрой говорил, что ты умеешь попадать в цель.

– Да, сэр. – Маркусу не терпелось продемонстрировать капитану свое умение.

– Видишь тот столб?

Бастион, за которым прятались ополченцы, представлял собой кусок стены, покрытой слоями сена. Маркус посмотрел в дырку, оставленную для наблюдения, и кивнул.

– Когда англичане подойдут к столбу, вставай во весь рост и стреляй. Выбирай того, чей мундир пофасонистее. Чем больше блестящих побрякушек, тем лучше, – сказал Старк. – Все, кто в первой цепи, делают то же самое.

– Бить в глаз или в сердце? – спросил Маркус.

Услышав вопрос, суровый рейнджер улыбнулся:

– Не имеет значения. Главное, чтобы твой выстрел опрокинул его на землю. После выстрела сразу ложись и головы не поднимай. Твое место займет Коул и другие во второй цепи. – Старк указал на молчаливого ополченца в оленьей куртке, и тот кивнул, дотронувшись до шляпы. – После Коула стреляет Хатчинсон и все, кто в третьей линии.

Стратегия была гениально проста. Чтобы перезарядить мушкет, требовалось секунд двадцать, с поправкой в большую или меньшую сторону. Замысел Старка означал, что обстрел будет вестись непрерывно, невзирая на довольно скромное число колонистов, расположившихся за бастионом. Англичане угодят прямо в пекло.

– А потом? – спросил Джимми.

Коул со Старком понимающе переглянулись. Кровь, бурлившая в жилах Маркуса, замерла. Он подбросил на ладони мешочек, полученный от Помроя, и его пронзила догадка: пороха, насыпанного туда, хватит всего на один выстрел. Лица взрослых это подтвердили.

– Посидишь рядом со мной и подождешь, – сказал Коул, потрепав Джимми по спине.

Война в большей мере состояла из ожидания, чем из стрельбы. Только где-то через полдня англичане появились в поле зрения. Когда же «красные мундиры» достигли столба, время стремительно понеслось. События, казалось, разворачиваются одновременно.

Запела флейта, ударил барабан. Маркус увидел барабанщика – мальчишку лет двенадцати. Столько же было его сестре Пейшенс.

Кто-то из английских солдат начал насвистывать песенку. Остальные дружно подхватили, перемежая слова оскорбительными выкриками и присвистом.

Янки Дудл приперся в город
Покупать к ружью замбк,
А ушел в смоле и перьях.
Вторым станет Джон Хэнкок.

– Ублюдки, – пробормотал Маркус, услышав оскорбление в адрес одного из своих героев, президента недавно созванного Континентального конгресса, и его палец на курке мушкета дрогнул.

– Не стреляй, – шепнул за спиной Коул, напомнив приказ Старка.

К столбу подошел первый английский солдат. Его красный мундир с золотыми пуговицами сверкал сквозь туманную дымку.

– Огонь! – скомандовал Старк.

Маркус и остальные ополченцы первой цепи вскочили на ноги.

Английский солдат был ровесником Маркуса. Схожестью лиц они вполне сошли бы за двоюродных братьев. Англичанин смотрел прямо на него, удивленно открыв рот. Маркус прицелился.

– Стрелять не раньше, чем увидите белки их глаз! – крикнул Старк.

Британский парень удивленно выпучил глаза.

Маркус спустил курок.

Левый глаз англичанина превратился в темную дырку. Оттуда потекла струйка крови, быстро став струей.

Маркус застыл, не в силах шевельнуться.

– Ложись! – крикнул Коул, опрокидывая его на землю.

Маркус упал, выронив мушкет. В животе бурлило. Голова кружилась, в ушах звенело, а глаза жгло.

Судя по громким щелчкам, англичане примкнули штыки, затем с криками побежали в сторону стены. Из-за их спин летели пули, выпущенные по колонистам.

Старк взмахнул красно-зеленым флагом. Коул и вторая цепь поднялись на ноги.

Маркус лежал на спине и видел, как одна пуля перелетела через бастион. Он оцепенел: пуля ударила Коула прямо в грудь, когда тот целился из длинноствольной винтовки. Коул захрипел и упал, но все-таки успел выстрелить.

Послышались удивленные крики англичан. Они явно не ожидали, что второй залп последует так скоро. Крики сменились стонами. Пули колонистов нашли свои цели.

Маркус подполз к Коулу.

– Он мертв? – спросил Джимми с круглыми от ужаса глазами. – Боже, неужели он мертв?!

Коул смотрел в небо, но уже ничего не видел. Маркус прильнул к его груди, надеясь услышать дыхание.

И не услышал.

Он закрыл Коулу глаза.

Старк подбросил флаг в воздух, намеренно провоцируя англичан на огонь.

Джимми и колонисты третьей цепи встали и выстрелили.

Крики и стоны по другую сторону бастиона продолжались.

– Отходим! Отходим! – слышалась команда английского офицера.

– Провалиться мне на этом месте! – Старк прислонился к каменной стене.

Фермеры, лесорубы и охотники Новой Англии, а теперь – солдаты новой Континентальной армии – недоверчиво переглядывались.

– Что ж, парни, – Старк вытер рукавом вспотевший лоб, – сегодня вы отлично поработали. Заставили отступить хваленую английскую армию.

Ополченцы шумно радовались победе. Маркусу было не заставить себя кричать вместе с остальными. Винтовка Коула лежала в луже крови владельца. Маркус взял винтовку, обтер рукавом приклад. Это оружие было совершеннее мушкета, полученного взаймы от Помроя. Не исключено, что винтовка пригодится Маркусу, причем скоро. В таких условиях никакое оружие не бывает лишним.

Бог свидетель, ополченцу из Нью-Гэмпшира винтовка уже не понадобится. Никогда.

Дальнейшее сражение проходило как в тумане. Кровь, стрельба, хаос. Не было ни воды, ни еды. И совсем мало времени на передышки.

Ополченцам Старка удалось отбить вторую атаку англичан.

Когда королевские солдаты атаковали в третий раз, у изможденных колонистов не осталось пороха и пуль для ответной стрельбы. Тогда самые сильные и смелые ополченцы из тех, что постарше, добровольно вызвались сдерживать натиск англичан, пока остальные будут отступать.

Отступающие благополучно миновали перешеек. До Кембриджа оставалось совсем немного, когда Джимми Хатчинсон вдруг взмахнул руками и упал. В его шее застрял кусок картечи. Брызги крови смешались с веснушками на мальчишечьем лице.

– Я тоже умру, как мистер Коул? – слабым голосом спросил Джимми.

Маркус оторвал от своей рубашки заляпанный кровью рукав и попытался остановить кровь:

– Не сегодня.

Если его ответ дал Джимми кусочек надежды, разве это плохо? Но Маркус знал: мальчишка еще не раз проклянет судьбу, прежде чем его рана затянется.

Маркус снял шинель с убитого английского солдата, из которой они с Аароном Лайоном соорудили подобие носилок, а потом понесли Джимми в полевой госпиталь, развернутый на Гарвардском дворе.

В госпитале пахло, как в склепе. Ноздри щипало от запаха крови и обожженного человеческого тела. Звуки были еще невыносимее. Отовсюду слышались стоны и просьбы дать воды. К ним примешивались предсмертные крики тяжелораненых.

– Боже милостивый, никак это Джимми Хатчинсон?

Из госпитального сумрака, преградив им путь, появилась коренастая, крепко сбитая рыжеволосая женщина с трубкой в зубах.

– Мистрис Бишоп? – пролепетал Джимми, глядя на нее. – Никак это вы, мэм?
– А кто же еще? – резко ответила мистрис Бишоп. – Какой идиот пустил тебя на передовую да еще подставил под обстрел? Тебе же нет и пятнадцати.

– Ма не знает, – сказал Джимми, закрывая глаза.

– Конечно не знает. Иначе заперла бы тебя в сарае и не выпустила из Сейлема... Не стой столбом! – прикрикнула мистрис Бишоп на Маркуса. – Тащи его сюда.

«Сюда» не было направлением, куда несли большинство раненых. «Сюда» означало небольшой очаг, вокруг которого стояло несколько коек, сооруженных из подручных материалов. «Сюда» было сравнительно тихим местом по сравнению с «там», откуда слышались крики и вопли, подсказывавшие, что в той части госпиталя орудуют хирурги.

Маркус недоверчиво смотрел на рыжеволосую женщину.

– Если желаешь, можешь нести его к доктору Уоррену, но со мной у Джимми больше шансов выжить, – сказала мистрис Бишоп, передвигая трубку из левого края рта в правый.

– Доктора Уоррена мы оставили на Бридс-Хилле, – сказал Маркус, довольный тем, что уличил женщину во лжи.

– Я не про того доктора Уоррена, дурень. Про другого. – Мистрис Бишоп испытывала не меньшее удовольствие, ткнув Маркуса носом в его высокомерную глупость. – Думаю, я все же лучше знаю бостонских врачей, нежели ты.

– Я хочу остаться с мистрис Бишоп, – прошептал Джимми. – Она врачевательница.

– Приятно, Джимми, когда мое ремесло называют вежливыми словами, – отозвалась мистрис Бишоп. – Ну что стоите, истуканы? Вы дотащите моего пациента до огня или я сама должна его нести?

– Джимми ударило картечью в шею, – торопливо объяснял Маркус, пока они с Аароном волокли Джимми к очагу. – Думаю, осколок задел вены и застрял в артерии. Кожа вокруг почернела. Возможно, от ожога. Я сделал из рукава жгут и попытался остановить кровь, насколько это возможно при шейной ране.

– Вижу. – Мистрис Бишоп взяла щипцы, в которых была зажата самодельная свечка, сделанная из стебля ситника. – Как тебя звать? – спросила она, осматривая рану.

– Маркус Макнил. Возьмите это.

Порывшись в кармане, он достал смолистую лучину, взятую из дома. Она давала больше света, чем помаргивающая свечка. Маркус поднес конец лучины к пламени, и та сразу же вспыхнула.

– Спасибо. – Щипцы мистрис Бишоп подхватили лучину. – А ты, оказывается, знаком со строением тела. Не из гарвардских ли студентов будешь?

Даже будь он студентом, пренебрежение в глазах мистрис Бишоп заставило бы его это отрицать. Она явно не жаловала тамошнее образование.

– Нет, мэм. Я из Хедли, – ответил Маркус, тревожно глядя на бледное лицо и посиневшие губы Джимми. – По-моему, Джимми не хватает воздуха.

– Нам всем не хватает воздуха. Особенно с таким дымом. – Сказав это, мистрис Бишоп глубоко затянулась и выпустила густое облако дыма. – А он немного поспит, – добавила она, взглянув на Джимми.

Маркус благоразумно воздержался от вопроса, проснется ли мальчишка вообще.

– Мне понадобилось восемнадцать часов, чтобы помочь этому мальцу появиться на свет. А какой-то идиот одним выстрелом мог бы сжить его со свету. – Мистрис Бишоп достала из кармана небольшую фляжку. – Война – напрасная трата женского времени.

Мистрис Бишоп зубами вытащила пробку и выплюнула в огонь. Послышался хлопок, затем шипение, после чего пробка ярко вспыхнула. Врачевательница сделала солидный глоток и протянула фляжку Маркусу.

– Спасибо. Я не буду.

Маркус и сейчас чувствовал, что его в любой момент может вывернуть. Воспоминания о битве рвались заполнить его разум.

Он убил человека. Где-то в Англии завтра проснется мать, еще не зная, что у нее больше нет сына. И в этом виноват он, Маркус Макнил.

– В следующий раз, прежде чем спустить курок, подумай о той рыдающей матери, – сказала мистрис Бишоп, снова поднося фляжку к губам.

Эта рыжая женщина непостижимым образом узнала о том, что будоражило больную совесть Маркуса. Удивленный и напуганный ее пронизательностью, Маркус зажал рот ладонью, чувствуя новые позывы на рвоту. Мистрис Бишоп сердито посмотрела на него, щуря светло-карие глаза:

– Только не вздумай рассказывать мне, как это тебя всколыхнуло и взбудоражило. У меня нет времени выслушивать твои охи и вздохи. Тут один из парней Проктора улепетывал от англичан, угодил в яму и сломал ногу. Первая вразумительная история о сражении, которую я сегодня услышала.

Мистрис Бишоп опять припала к фляжке, затем поднялась на ноги и поманила Маркуса за собой.

Маркус оставался там, куда его привели, пока бурление в животе не прекратилось. Однако рыжеволосая врачевательница решила, что он прохлаждается слишком долго.

– Ну? – крикнула она, вставая над лежащим солдатом, выпучившим глаза от боли и страха. – Будешь и дальше падать в обморок или соизволишь мне помочь?

– Я никогда не вправлял кости.

Маркус чувствовал: мистрис Бишоп признаёт только правду.

– Ты и человека никогда не убивал. Все когда-нибудь происходит в первый раз, – язвительно заметила мистрис Бишоп. – И потом, я не прошу тебя вправлять кость. Этим я займусь сама, а ты будешь его держать.

Маркус встал возле головы солдата.

– Не там! – У врачевательницы Бишоп закончилось терпение. – Держи справа здесь, а слева – здесь. – Она уперла руки Маркуса в правое и левое бедро лежащего.

– Сара, у тебя найдется выпить? – хрипло спросил солдат.

Маркусу подумалось, что бедняге и впрямь нужен хороший глоток рома. Судя по виду увечной ноги, большая берцовая кость сломана пополам.

– Давай-ка глотни сначала сам. – Сара Бишоп впинула фляжку в ладонь Маркуса. – Потом передашь Джону. Ты опять весь позеленел.

На этот раз Маркус не противился, и ром обжег ему горло и потек внутрь; затем он поднес фляжку к солдатским губам.

– Спасибо, – прошептал тот. – Сара, а у тебя найдется еще какое-нибудь болеутоляющее? Посильнее?

Солдат и врачевательница как-то странно переглянулись.

– Не здесь, Джон Проктор.

– Я просто спросил, – вздохнул Проктор, опуская голову. – Довольно и рома.

– Макнил, ты готов? – поинтересовалась Сара, зажимая трубку в зубах.

Маркус не успел не то что ответить. Он даже не успел понять вопрос, как Сара соединила сломанную кость. Мышцы на ее руках взбухли от напряжения.

Проктор буквально взвыл от боли, потом потерял сознание.

– Вот так. Дело сделано. – Сара похлопала ногу Проктора. – Эти Прокторы никогда не стеснялись проявлять чувства.

При таком серьезном переломе пациент Сары прекрасно держался, подумал Маркус, но решил оставить свои мысли при себе.

– Глотни еще. – Сара указала на фляжку. – Когда доведется вправлять кость, делай в точности, как делала я. Сначала обездвизишь руку или ногу, а затем быстро соединишь кость. Так ты причинишь больному меньше вреда. А будешь робеть – еще и жилы порвешь. С костями всегда так.

– Да, мэм.

Маркусу было трудно подчиняться приказам Вудбриджа, но с Сарой Бишоп все выходило само собой.

– Надо заниматься другими бедолагами, – сказала Сара, продолжая сосать погасшую трубку, словно это ее успокаивало.

– Вы позволите остаться и помогать вам?

Может, помощь сыновьям других матерей как-то примирит его с тем, что он лишил жизни своего ровесника?

– Нет. Возвращайся в Хедли, – ответила Сара.

– Но ведь сражение еще не закончилось. – Маркус обвел глазами лагерь.

Ополченцы понесли потери. Убитые. Смертельно раненные. Искалеченные.

– Нашим командирам нужен каждый, кто способен стрелять. Свобода...

– Можно служить делу свободы и не участвуя в кровопролитии. Армии, которая создается, понадобится гораздо больше хирургов, чем солдат, – заявила мистрис Бишоп, концом трубки указывая на Маркуса.

Глаза врачевательницы стали темными, а зрачки неестественно расширились. Маркус даже вздрогнул. Должно быть, это из-за выпитого рома и удушливого дыма Сара Бишоп выглядела так странно.

– Твое время еще не пришло, – добавила она, понизив голос до шепота. – А пока оно не пришло, возвращайся в родные места, Маркус Макнил. И готовься. Когда будущее позовет, ты сразу узнаешь.

Глава 10

День третий

15 мая

Рано утром на третий день вампирской жизни Фиби Мириам принесла ей кошку. Кошка была достаточно упитанной, с черным туловищем и мордой, но с белым носом, лапами и кончиком хвоста.

– Тебе пора кормиться самостоятельно, – сказала Мириам, ставя переноску возле кровати; кошка тихо и жалобно мяукала. – Мне нужно сделать паузу в хлопотных материнских обязанностях. Фрейя, Шарль и Франсуаза находятся дома, но никто из них не станет отвечать на твои просьбы о еде и питье.

От слов Мириам в животе Фиби заурчало, но уже по привычке, а не от голода. Теперь голод вызывал у нее грызущее ощущение в сердце и венах. Подобно центру тяжести, центр ее аппетита переместился из живота, причем процесс перемещения казался ей невыносимым с точки зрения биологии, которую она изучала в школе.

– Запомни, Фиби. Лучше, если ты вообще не будешь говорить со своей пищей. И не сюсюкай над ней. Пусть сидит в переноске, пока ты не почувствуешь себя готовой к кормлению. – Голос Мириам обрел интонации школьной учительницы; эти интонации заставляли Маркуса и Мэтью торопиться к пробиркам и компьютерам, когда она руководила их биохимической лабораторией в Оксфорде. – (Фиби кивнула.) – И ради бога, не давай ей имени, – добавила Мириам, направляясь к двери.

Едва Мириам ушла, Фиби сразу же открыла дверцу переноски. У нее еще сохранялись бунтарские тенденции двух жутких первых дней.

– Вылезай, кисонька, – вкрадчиво позвала Фиби. – Я не сделаю тебе ничего плохого.

Но кошка была взрослой особью, а не доверчивым котенком и потому забилась в задний угол, выгнула спину и зашипела, показывая острые белые зубы.

Кошачья свирепость понравилась Фиби. Она отошла и принялась разглядывать источник своей кормежки. А кошка, почувствовав возможность сбежать, пулей вылетела из переноски и забилась в узкое пространство между стеной и гардеробом.

Заинтригованная таким поведением, Фиби уселась на пол и стала ждать.

Часа через два кошка решила, что Фиби можно не опасаться, и переместилась на коврик у закрытой двери. Казалось, она намеревалась сбежать, едва только дверь приоткроется.

Фиби наскучило ожидать дальнейших кошачьих маневров, и она занялась разглядыванием собственных зубов в оконном стекле, украшенном ее трещинами. Свет падал так, что смотреться в стекло, как в зеркало, можно было лишь несколько часов. Все остальное, что блесло и отражало, вчера вечером из ее комнаты убрали, опасаясь, как бы Фиби не влюбилась в свое отражение и не стала его пленницей.

Желание Фиби вновь получить настоящее зеркало было почти столь же сильным, как и желание вкушать крови Мириам. Оконное стекло в какой-то мере заменяло зеркало, однако Фиби хотелось подробно рассмотреть свои зубы. Действительно ли они стали настолько острыми, что она сможет прокусить шерсть, кожу, подкожный жир и вену и добраться до источника кошачьей жизни?

А что, если мои зубы еще недостаточно остры?

Вдруг какой-нибудь зуб сломается? Интересно, у вампиров вырастают новые зубы?

Активный вампирский разум Фиби пробудился к жизни, перескакивая с вопроса на вопрос.

Бывают ли беззубые вампиры и как они кормятся?

Может, их кормление, как и младенцев, зависит от других?

Является ли выдиранье зубов смертным приговором, а также позорной отметиной вроде того, как вору отрубали руку, чтобы он больше не мог красть?

– Хватит! – вслух произнесла Фиби.

Кошка подняла голову и равнодушно моргнула, потом вытянулась, поточила когти о плюшевую поверхность коврика и снова свернулась настороженным клубочком.

– А у тебя и коготки есть.

Разумеется, Мириам не опустилась до того, чтобы принести ей беспомощную и беззащитную кошку. Помимо уже продемонстрированных острых зубов, у кошки были не менее острые когти. Все это заставляло относиться к ней с должной серьезностью.

– Мы с тобой обе выживаем в этом мире.

У кошки недоставало кончика уха; наверняка результат ожесточенной кошачьей драки в каком-нибудь закоулке. Красотой кошка не отличалась, но что-то в ее глазах тронуло сердце Фиби: вероятно, усталость, свидетельствующая о постоянной борьбе за жизнь и тоске по дому.

Быть может, когда Фрейя и Мириам наконец сообразуют вернуть ей зеркало, у ее глаз будет такое же выражение. Изменились ли ее глаза? Будут ли они меняться и дальше, становясь все более жесткими и испуганными; будут ли делаться старше, хотя лицо и тело останутся в ее нынешнем возрасте?

– Хватит! – оборвала себя Фиби, произнеся это слово достаточно громко, и оно эхом отозвалось из углов комнаты, практически лишенной мебели.

После двух дней, когда обитатели дома спешили на каждый ее вздох, их молчание раздражало, но в то же время давало странное ощущение свободы.

Мириам и Маркус задолго до ее превращения рассказывали, что первая попытка насытиться кровью живого существа не пройдет гладко. Они же предупреждали: кого бы ни дали Фиби для ее первой самостоятельной вампирской трапезы, источник пищи погибнет. Для новорожденного вампира это бывает сильной травмой, если не физической, то наверняка душевной. Животное будет вырываться у нее из рук и, возможно, погибнет от испуга, поскольку сердце не справится с мощным притоком адреналина.

Фиби, продолжая разглядывать кошку, подумала, что, возможно, она не настолько голодна, как ей казалось.

За четыре часа, проведенных в комнате Фиби, кошка вполне освоилась и даже уснула. Фиби взяла ее, спящую, на руки. Лапы свешивались так, словно не имели костей. Фиби забралась на кровать, уселась, скрестив ноги, и поместила кошку между ними.

Фиби легкими прикосновениями гладила мягкую кошачью шерсть, так как не хотела, чтобы эти чары вдруг нарушились и кошка с шипением снова спряталась бы за гардеробом. Фиби боялась всплеска голода, когда она, торопясь добраться до бьющегося кошачьего сердца, опрокинет гардероб и насмерть раздавит кошку раньше, чем успеет выпить кошачьей крови.

– Сколько же ты весишь? – задала риторический вопрос Фиби, продолжая гладить кошачью спину, и кошка тихо замурчала. – Немного, хотя кормили тебя сытно.

Фиби поняла: крови в кошачьем теле маловато. А она ощущала сильный голод, который только возрастал. Ее кровеносные сосуды высохли и сплющились, словно ее телу недоставало жизнетворной жидкости, чтобы вернуть им прежнюю круглую форму.

Кошка слегка потерлась о ноги Фиби, потом вальяжно развалилась, удовлетворенно вздыхая. От нее исходило приятное тепло. Ее поведение инстинктивно показывало, что кошка обрела дом и хозяйку.

Фиби напомнила себе, что эта идиллия может оказаться недолгой и выпитая кровь погубит кошку.

«И ради бога, не давай ей имени», – звучало в ушах Фиби предостережение Мириам.

Фиби голодала уже двенадцать часов шестнадцать минут и двадцать четыре секунды. Проделав эти вычисления, она поняла, что должна как можно быстрее утолить голод, иначе ее поведение может стать неуправляемым и жестоким. Фиби твердо решила, что не будет жестокой вампиршей. Она наслушалась достаточно историй о детстве Мэтью, которые смачно и красочно рассказывала Изабо, и искренне хотела избежать подобных отталкивающих сцен в своей жизни.

Кошка по-прежнему спала у Фиби на коленях. За время, что они провели вместе, Фиби много узнала о животном. Она не ошиблась: это действительно была кошка, а не кот. Узнала Фиби и о кошачьих предпочтениях. Кошке нравилось, когда ее слегка дергали за хвост, а вот прикосновение к лапам совсем не нравилось.

К тому же кошка не настолько доверяла Фиби, чтобы разрешить погладить себя по брюху. Едва Фиби попыталась, кошка ее тут же оцарапала. Правда, царапины исчезли почти сразу, не оставив и следа.

Пальцы Фиби продолжали равномерно поглаживать кошачью шерсть. Фиби надеялась увидеть новые признаки уступчивости, дружбы. *Разрешения.*

Но звуки бьющегося кошачьего сердца диссонировали с пустотой в кровеносных сосудах Фиби, и этот диссонанс нарастал, становясь невыносимым. Получалось нечто вроде песни подавленного желания.

Кровь. Жизнь.

Кровь. Жизнь.

Кошачье тело было наполнено этой пульсирующей песней, где сердце задавало ритм. В отчаянии Фиби до крови прикусила губу, но рана тут же затянулась. Весь последний час Фиби постоянно кусала губы, ощущая соленый привкус, зная, что это не утолит ее голод, но остановиться не могла.

Соблазнительный запах заставил кошку приоткрыть глаза, ее розовый нос затрепетал. Однако, поняв, что рядом нет ни рыбы, ни куска мяса, она вновь уснула.

Фиби еще сильнее прокусила губу. Рот наполнился вкусом соли; приятным, но лишенным питательных веществ. Это было прелюдией к кормлению, и не более того. От мыслей о еде появилась слюна.

И вновь кошка подняла голову, уставив зеленые глаза на Фиби.

– Хочешь попробовать?

Фиби провела пальцем по губе, выдавив капельку крови. Кожа тут же затянулась, а кровь на пальце потемнела, став темно-фиолетовой. Не дожидаясь, пока капелька почернеет и высохнет, Фиби поднесла палец кошке.

Розовый язычок любопытной кисы облизал палец Фиби. Шершавость кошачьего языка заставила Фиби вздрогнуть от голода и томительного ожидания.

А затем произошло нечто чрезвычайное.

Кошка медленно закрыла глаза и убрала язык, оставив только кончик.

Фиби потрогала этот кончик, но кошка даже не шевельнулась. Тогда Фиби осторожно провела пальцами по кошачьему брюху. И снова никакой реакции.

– Боже, я убила ее! – прошептала Фиби.

Фиби снова трогала кошачий язык, пытаясь разбудить кошку. Ее охватила паника. В ближайшие часы, а то и дни, никто не явится ей на помощь. Мириам, женщина, которую Фиби выбрала себе в создательницы, позаботилась об этом. Фиби будет сидеть с мертвой кошкой на коленях, пока не потеряет сознание от голода. Пить кровь мертвого животного она не посмеет. Вампирская этика относилась к этому еще с большим отвращением, чем к некрофилии.

Кровь. Жизнь. Кровь. Жизнь.

Песня продолжала звучать, хотя и в замедленном ритме. Фиби смутно различала его. Удары сердца. Не ее сердца.

Кошка не умерла, а просто уснула.

«Нет, – мысленно возразила себе Фиби. – Кошка одурманена». Она взглянула на палец, где оставались фиолетовые следы.

Вампирская кровь погрузила кошку в подобие спячки. Фиби вспомнила рассказы Маркуса и Мириам. Некоторые вампиры злоупотребляли усыпляющими свойствами своей крови. Вкусив человеческой крови, они намеренно погружали «доноров» в бесчувственное состояние и творили жуткие непотребства.

Фиби поднесла кошку к носу. Кошачье тело обмякло и стало похожим на шкуру. Его сухой, мускусный запах совсем не вызывал у Фиби аппетита.

Кровь. Жизнь. Кровь. Жизнь.

В тишине комнаты медленно билось кошачье сердце. Звук был соблазнительным и терзающим.

Фиби прижалась губами к кошачьей шее, инстинктивно отыскивая место для укуса. Вены на шее были ближе всего к поверхности, иначе откуда у людей такое множество историй о вампирах, норовящих укусить именно за шею? Фрейя и Мириам подробно рассказывали ей о кровеносной системе млекопитающих, но голод мешал Фиби вспомнить какие-либо полезные сведения.

Кошка дернулась у Фиби в руках. Даже одурманенность вампирской кровью не притушила в животном инстинкта самосохранения. Кошка почуяла хищницу, причем гораздо более опасную, чем она сама.

Губы Фиби двигались по кошачьей шее, ощущая каждую шерстинку. Наконец Фиби нашла маленькую кожную складку, зажала между зубами и чуть-чуть прокусила, дожидаясь появления крови.

Кровь не появилась.

– Фиби, дорогуша, насчет беспорядка не беспокойся, – сказала ей вчера вечером Фрейя, зайдя проведать, словно ей не терпелось увидеть комнату залитой кровью. – Мы потом всё уберем и отмоем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.